МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. П. ДРАГОМАНОВА

Л. П. Иванова

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Киев
Изд-во НПУ имени М. П. Драгоманова
2022

УДК 81-13(075.8)
И 21

Рекомендуется научно-методическим советом
факультета иностранной филологии
Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова
(протокол № 3 от 19 января 2022 г.)

Иванова Людмила Петровна

И 21 Методы и методики лингвистического исследования / Л. П. Иванова. – Киев : Изд-во НПУ имени М. П. Драгоманова, 2022. – 108 с.

УДК 81-13(075.8)

© Иванова Л. П., 2022
© Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова, 2022

Оглавление

I. Понятие лингвистического метода 4

II. Описательный метод
как аспект исследования ярусов современного языка 19

III. Лингвогенетические методы 33

IV. Сопоставительный (типологический) метод 44

V. Структурные и математические
методы и приемы анализа языка 58

VI. Функциональный метод 81

VII. Методики анализа концепта 94

Литература 105

I. ПОНЯТИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА

1. Роль метода в формировании лингвистики как науки и лингвистического направления.
2. Теория лингвистического метода. Его структура.
3. Общенаучные и частнонаучные методы.

Любая область человеческого познания, претендующая на звание науки, должна обладать, наряду с 1) объектом, 2) предметом изучения и 3) метаязыком (метаязык – это язык, посредством которого описываются и исследуются свойства некоторых других языков, в частном случае это набор специальных лингвистических терминов), 4) определяется исследовательскими методами. Подлинная наука возникает только тогда, когда формируются и систематически используются особые научные методы – методы эмпирического и теоретического исследования явлений природы.

1. Таким образом, всякая наука утверждается как специфическая отрасль человеческого знания тогда, когда вырабатывает свой метод.

Одной из главных проблем общего языковедения является проблема методов лингвистики. Преобладание соответствующего метода в ту или иную эпоху во многом определяет общий характер развития лингвистической науки.

В узком смысле метод представляет собой определенный подход к изучаемому явлению, систему положений, научных и чисто технических приемов и процедур, способствующих целенаправленному изучению объекта с определенной точкой зрения.

Разграничивают методы а) оперирующие с имеющимся научным знанием и б) служащие для получения нового знания.

Метод служит инструментом для решения главной задачи лингвистики – открытия объективных законов развития и функционирования изучаемой языковой действительности.

Метод в лингвистике – это система научно-исследовательских приемов, предназначенных для познания закономерностей возникновения, развития и функционирования языковых явлений.

В современном языкознании на протяжении многих лет ведется спор относительно того, каким временем следует датировать возникновение науки о языке и соответственно трактовать ее как науку древнюю или же совсем молодую. По этому, на первый взгляд схоластическому, поводу высказывались две точки зрения. Первая из них вела историю науки о языке с тех далеких времен, когда язык начал впервые вовлекаться в научное рассмотрение – естественно, теми методами и способами, какими тогда располагала наука.

В Европе зарождение науки о языке относилось к классической древности, а в других странах и континентах, как, например, в Индии истоки языкознания уходили еще дальше – за несколько столетий до нашей эры, к периоду создания письменности.Что касается второй точки зрения, то она датировала возникновение науки о языке более поздним временем, и более точно – первой четвертью XIX века, аргументируя это тем, что именно тогда в трудах Ф. Боппа, Р. Раска, А. Х. Востокова и Я. Гримма был разработан специальный метод исследования и описания языка, которым до этого наука о языке не располагала, рассматривая язык в комплексе других – преимущественно философских – наук. Иными словами, эта вторая точка зрения связывала возникновение своей науки с возникновением специального метода.

Теоретики языкознания подчеркивают, что одним из главных признаков утвердившегося направления является наличие собственного метода. Именно метод формирует подходы к анализу языковых фактов, дисциплинирует исследования. Так, компаративистика сложилась в результате разработки сравнительно-исторического метода, структурализм имел в своем арсенале дескриптивный и трансформационный метод, анализ по

НС и др. В рамках функционализма разрабатывается прежде всего метод поля. Однако метод по отношению к теории – явление вторичное. В. А. Звегинцев справедливо подчеркивает: «Сам по себе метод – не путь познания объекта, что является главным для всякой науки. Метод может быть лишь средством познания объекта и именно в той степени, в какой он обусловливается теорией, поставлен на службу ей и «выдает» эмпирические факты для проверки и корректирования используемых в теории систем и гипотез».

2. Подчеркнем, что теорию метода как такового разработанной считать нельзя. Ученые, анализирующие эту проблему, видят в методе по три понятия, причем эти понятия в концепциях не всегда пересекаются. Так, В. И. Кодухов в теорию метода включает следующие: 1. Способ познания (философский метод, метод познания), 2. Совокупность научно-исследовательских приемов (специальные методы), 3. Совокупность правил анализа (приемы анализа).

В концепции Б. А. Серебренникова философский аспект входит в теорию метода, система научно-исследовательского метода состоит из: 1. Теории метода (лингвистические основы метода, методика применения научно-исследовательских методов, основы общей теории познания), 2. Комплекса научно-исследовательских приемов, содержание которых определяется лингвистическими основами метода, 3. Комплекс технических приемов и процедур.

Второй и третий компоненты составных частей метода в указанных концепциях по сути дела совпадают.

Для Ю. С. Степанова развитая система метода включает три части:

1. Вопрос о способах выявления нового материала и введения в научную методику («методика» в отечественном языкознании и «предлингвистика» в американском), 2. Вопрос о способах систематизации и объяснения этого материала («метод» в отечественном языкознании и «микролингвистика» в американском), 3. Вопрос о соотнесении и способах соотнесения уже систематизированного и объясненного материала с данными

смежных наук и прежде всего с философией («методология» в отечественном языкознании и «металингвистика» в американском). Ю. С. Степанов разделил все методы на общие («… обобщенные совокупности теоретических установок, приемов, методик исследования языка, связанные с определенной лингвистической теорией и с общей методологией») и частные («отдельные приемы, методики, операции, опирающиеся на определенные теоретические установки, как техническое средство, инструмент для того или иного аспекта языка».

Обобщив указанные концепции, выделяем в методе два основных компонента: 1. Теоретическое обоснование данного подхода к анализу языковых и речевых фактов и 2. Вытекающая из него методика исследования.

Обратимся к первому компоненту современного лингвистического метода.

В современном языкознании наблюдается смена научных парадигм: осуществляется переход от изучения языковых явлений в статике к анализу их в динамике, в процессе функционирования. Данный факт обусловлен логикой развития лингвистики: в XIX в. основное внимание уделялось происхождению тех или иных языковых элементов, в середине XX в. анализировалось прежде всего их строение, возникла необходимость рассмотреть эти элементы в динамике, в процессе их употребления, функционирования.

Подчеркнем, что методы, обеспечивая единство и преемственность лингвистической науки, тесно взаимосвязаны, обогащаясь за счет методик и приемов анализа, присущих другим методам. Так, функциональный метод активно использует вероятностно-статистическую методику, сравнительно-исторический метод – приемы структурного исследования и т.д.

Обратимся ко второму компоненту метода. В основе применения конкретных приемов анализа фактического материала лежит методология – философское мировоззрение, определяющее путь осмысления и познания внешнего мира.

С точки зрения происхождения, оба термина – «методология» и «метод» восходят к греческому слову methodos – (букв.) «путь к

чему-либо» и logos – «учение, наука, теория». Этимология термина «методология» достаточно прозрачно показывает его содержание

Методология – это философское учение (и теоретическая программа) об основных путях и способах познания языковой действительности. Иными словами, методология в лингвистике – это конкретное философское мировоззрение, определяющее пути и способы осмысления и познания языка.

Несмотря на декларации о независимости современных лингвистических направлений и теорий от философии, каждое из них базируется на тех или иных философских принципах.

Проявляются эти принципы весьма многообразно:

– в определении сущности и природы языка;

– при рассмотрении проблемы соотношения языка и речи;

– при решении проблемы знаковости языка, его отношения к действительности;

– в понимании закономерностей эволюции языков;

– при определении методологических основ исследования языков;

– при разработке конкретных лингвистических методов.

В широком понимании методология определяется как учение о структуре, логической организации и средствах деятельности (А. Г. Спиркин, А. И. Юдин), а в узком имеет конкретное осмысление – не как учение, а как определенный подход или система подходов к планируемой деятельности на всех ее этапах.

Лингвистическая методология – в ее конкретном понимании – представляет собой совокупность исходных принципов, которыми руководствуется лингвист на различных этапах исследования, начиная с определения его целей и заканчивается формированием выводов и обобщений.

В лингвистической методологии целесообразно выделять 3 уровня:

1) общую для всех наук философскую доктрину;
2) общенаучную философию, применяемую в группе наук;
3) частную методологию, специфическую для одной науки.

Иными словами, современная лингвистическая методология включает 3 основных компонента: философский,

лингвотеоретический и гносеологический (общую теорию методов познания).

Содержанием первого компонента являются философские принципы, категории и законы, которыми руководствуется исследователь.

Содержанием второго компонента служат лингвистические принципы исследования языков.

Сущность третьего компонента определяют специальные лингвистические методы.

В методологию языкознания включаются те науки, которые имеют отношение к способам познания, аспектам исследования, к правилам систематизации знания и критериям его истинности.

Выделяются 4 главных функции лингвистической методологии:

- первая – определение предмета исследования (исходные позиции в понимании данного явления, его отношение к смежным явлениям, отграничение от них);
- вторая – определение цели исследования;
- третья – разработка (подбор) системы методов и методик для данного исследования;
- четвертая – оценка степени соответствия результатов проведенного исследования поставленным целям.

С философской точки зрения, методология современного языкознания может быть представлена в широком и узком понимании: а) как учение о структуре, логике и средствах лингвистической деятельности и б) как определенный подход к планируемой деятельности на всех ее этапах, как совокупность исходных принципов, которым подчиняется лингвистический поиск, начиная с определения объекта, предмета, цели и задач исследования, выбора лингвистических методов и заканчивая ***интерпритацией*** языковых явлений и формированием выводов, соответствующих теоретических положений или предположений.

Теоретическая база методологии включает обоснование соответствующих концепций, подходов и принципов исследования.

Теоретический аспект методологии современной лингвистики поиска в конечном счете обеспечивает: 1) адекватное выделение в

безбрежном языковом космосе объекта исследования, того языкового пространства (ограниченного локально-временными параметрами), которое оптимально регламентирует поле зрения исследователя, выделяя его из ряда смежных образований; 2) определение непосредственного предмета (факта, явления, процесса) изучения. Объект и предмет лингвистического исследования находятся в родовидовых отношениях.

При определении объекта изучения следует ответить на вопрос: «Что должно находится под объективом моего лингвистического микроскопа?»

Выделяя предмет исследования, важно а) уяснить, что (устройство, явление, процесс) подлежит изучению; б) установить рамки конкретного лингвистического моделирования. А это, в свою очередь, предполагает адекватное определение цели и задач предпринимаемого исследования.

Необходимо различать лингвистическую модель (результат моделирования) и лингвистическую теорию.

Разные модели одного и того же явления могут существенно различаться. Классическим образцом тому могут служить модели систем русских фонем в Петербургской и Московской фонологических школах. Разные модели одного и того же объекта лежат в основе разных лингвистических теорий. В отличие от лингвистической теории, модель исследовательского поиска нуждается в верификации, формализации и операционализации.

Лингвистическое моделирование объектов познания опирается на различные способы познания – приемы, операции, методы и методики.

Исследовательский прием – практическое средство познания свойств изучаемого языкового явления; операция – отдельное исследовательское действие в ряду других ему подобных; метод-система научно-исследовательских приемов и операций познания и/или способ постижения закономерностей, свойственных языковой действительности; методика – конкретный вариант/вариация применения того или иного метода для решения определенной группы исследовательских задач.

Выделяются внутренние и внешние условия выбора того или иного метода. При внешнем, объективном изучении фактов исследователь стихийно или сознательно руководствуется такими основаниями, как 1. Первичность материала и вторичность сознания, 2. Познаваемость мира, 3. Проверка истинности научных результатов и выводов практикой и др. Выбор методов исследования зависит также и от внутринаучных факторов, таких, как объем имеющегося фактического материала, накопленных теоретических знаний в данной научной дисциплине, представлений ученых об объекте анализа, цели исследования и др.

В науковедении говорят о подходах – основных путях решения исследовательских задач. Подходы определяют стратегию решений. Известны системный, структурный, функциональный, информационный, вероятностный, модельный и другие подходы.

Конкретное содержание метода выражают принципы, присущие соответствующему подходу.

Под научным принципом понимают основополагающее начало решения научной проблемы, способ организации знания, обеспечивающий органическую связь различных элементов знания в рамках целостной теоретической системы. Они носят нормативно-регулятивный характер, то есть исследователь должен неукоснительно им следовать, в противном случае научное исследование перестанет быть таковым.

Научными принципами языкознания считают знаковость языка, асимметрию языкового знака, системно-структурную организацию языка, изоморфность разных языков и единиц языковой системы, социальную обусловленность языка и его динамический характер.

Необходимой частью любого метода является **методика**, которая представляет собой включение приема в процедуру исследования.

Методик много, важнейшими из них являются методики наблюдения, вычленения лингвистической единицы, обобщения единиц в классы, компонентного анализа, классификации, сравнения (сопоставления фактов одного порядка), корреляции

(сопоставление фактов разного порядка), моделирования, эксперимента, картографирования, реконструкции и др.

Реализация метода немыслима без использования **технических приемов:** изучение литературы, наполнение картотек, составление диаграмм, таблиц, беседа с информантами и т.п.

Единство человеческих знаний приводит к тому, что идеи и методы, с помощью которых сделаны крупные научные открытия в одной области знаний, зачастую находят успешное применение и в других областях знаний. Ю. С. Степанов предостерегает от чрезмерного увлечения методами и приемами анализа языка, а говорит о том, что перед наукой стоит **проблема**, которую нужно решать с позиций разных наук, при помощи различных методов.

Большое количество используемых приемов анализа свидетельствует об активном состоянии научной дисциплины, а получаемые при этом результаты имеют и теоретическое, и прикладное значение.

Прикладное значение могут иметь данные, полученные посредством как традиционных, так и современных методов. Например, описательные грамматики, толковые и этимологические словари, методики преподавания языков создаются при помощи описательного метода. Полученные в ходе описания языка материалы с помощью традиционных методов широко используются в учебно-педагогических целях, а математические исследования языка, трансформационные грамматики – для переработки информации на естественных и искусственных языках.

Каждый из методов ставит перед собой свои частные задачи, но имеет одну и ту же цель – добыть знания, а знание при условии, что это действительное знание, имеет одинаковую ценность, независимо от того, какими путями оно добывалось. В этом отношении оно подобно золоту: одному оно дается с невероятными трудностями и даже ценой жизни, а другой получает его без всякого усилия в наследство от богатых родителей, но на ценности золота это никак не отражается. Таково и золото знания (пример В. А. Звегинцева).

Развитие лингвистического поиска идет от сбора речевых фактов, их изучения и систематизации через обобщение множества явлений и осмысление их основных закономірностей к целостной, связанной причинно-следственными отношениями и логически непротиворечивой системе научных знаний, позволяющей объяснить непознанные стороны уже известных языковых фактов, открыть новые и предсказать возможные пути их развития и функционирования в будущем.

«Метод» – путь, способ, инструмент решения главной задачи лингвистики: открытия объективных законов «жизни» языка, а «методология» – учение об основных путях и способах познания языковой действительности.

Достижения традиционной лингвистики принесли науке о языке заслуженную славу самой точной из всех общественных наук.

3. Принято выделять общенаучные (применимые во всех или большинстве наук) и частнонаучные (используемые в одной отрасли знания) методы и методики исследования. К общенаучным относятся, например, индукция, дедукция и т.п., к частнонаучным – сравнительно-исторический метод и др.

Совокупность средств и приемов познания, используемых наукой, составляет методику научного исследования. Такая методика будет, конечно, различной в зависимости от избираемого объекта изучения. Но ее разработка и применение зависят также и от того, каковы принципиальные позиции исследователя в его подходе к действительности.

Общенаучные методы исследования.

Сравнение используется во всех науках, поскольку всегда необходимо соотнести старые и новые данные, различные результаты исследований и т.п. В языкознании сравнение лежит в основе сравнительно-исторического и сопоставительного методов.

Индукция заключается в обобщении результатов отдельных частных наблюдений. Это путь познания от данных опыта к их систематизации и от систематизированных данных опыта к открытию так называемых эмпирических законов. В лингвистике с помощью индукции решаются задачи типа: какими признаками

обладает слово? На какие семантико-грамматические классы делятся слова? Как взаимодействуют друг с другом различные семантико-грамматические классы слов? В каком отношении к слову находится предложение? и т.д.

Дедукция опирается на положение либо постулируемое, либо полученное путем предварительного обобщения результатов частных наблюдений. Нередко с помощью дедукции осуществляется предвидение и предсказание фактов задолго до их эмпирического открытия (Д. И. Менделеев таким образом открыл галлий, скандий и германий).

В лингвистике дедуктивного решения требуют, например, такие задачи: является ли данный отрезок речевой цепи словом? К какому семантико-грамматическому классу принадлежит данное слово? и т.п.

Анализ – это мысленное (или экспериментальное) расчленение предмета на составные части или выделение свойств предмета для изучения их в отдельности. Вспомним, как А. А. Потебня анализировал семантику творительного падежа в русском языке.

Синтез – это соединение составных частей или свойств и изучение его как единого целого. Синтез используется прежде всего для анализа членов предложения, строения текста и т.п.

Гипотеза дает синтетически цельное представление об изучаемом предмете во внутренних связях составляющих его частей и свойств, которые устанавливаются предположительно a priori, до опыта, но таким образом, что признавая наличие этих связей и их отношений, их определенный характер, мы получаем возможность объяснять и предсказывать реальные факты. Сами гипотезы содержат только возможные решения, правильность которых либо подтверждается, либо опровергается в ходе дальнейшего исследования. Доказанная, т.е. согласующаяся с фактами гипотеза есть научная теория.

Частные методы в языковедении.

Частные методы в языковедении начали создаваться только в XIX веке, это были методы сравнительно-исторического изучения языка. Серию методов в XX веке предложили структуралисты.

Несколько позднее были созданы математические методы изучения языка, самые поздние по времени возникновения – функциональные методы.

Все частные методы изучения языка специализированы на познании специальных аспектов языковой деятельности человека и позволяют решать определенные классы лингвистических задач.

Методы сравнительно – исторического и типологического изучения языков.

Методы сравнительно-исторического и типологического изучения языков складываются из следующих приемов:

1. Сопоставление лексем родственных языков, близких по звучанию, с учетом выражаемых ими значений. Лат. Nebula – немецк. Nebel – рус. и укр. Небо (значения: облако – туман – небо). Лат. Mater – немецк. Mutter – рус. Мать – укр. Мати.

2. Сопоставление лексем одного языка, взятых на разных исторических срезах его развития, изменивших состав фонем или семем. Др.-русск. М[illegible]со – совр. рус. Мясо, укр. М'ясо; Р[illegible]бити – рубити; зьрно – зерно и др.

3. Сопоставление взаимодействующих языков, выявляющее источники заимствований, роль каждого из языков в полученном новом языке (субстрат, суперстрат, адстрат).

4. Картографирование диалектных явлений, показывающее распределение их по территории, занятой носителями данного языка. Полученные карты наглядно показывают пути расселения носителей языка, соотношение архаичных и новых лексем и словоформ, центр и периферию распространения новообразований. Для картографирования разработана серия приемов сбора диалектного материала, его изображения на картах и правила чтения и интерпретации карт.

5. Сопоставление систем разных языков, независимо от их родства и наличия или отсутствия территориальных контактов.

Все методы сравнительно – исторического и типологического изучения языков направлены на выяснение родственных и неродственных отношений между языками, наличия или отсутствия территориальных или культурных контактов между ними, общечеловеческих и национальных особенностей языковых систем.

Все эти методы служат изучению проблем исторического развития языков и их связями с историей общества.

Структурные методы изучения языка.

Данные методы создавались в XX веке для изучения системы языка, находящейся в сознании человека, для познания ее элементов и структуры.

1. Методы выделения фонемы как элемента системы фонем и выявления типов оппозиций между фонемами для построения системы фонем.

2. Дистрибутивный анализ той или иной единицы языка в ее окружении, в ее сочетаемости с соседними единицами. По своим окружениям единицы могут быть распределены на классы для определения их места в системе языка.

3. Анализ по непосредственно составляющим (НС) путем последующего разбиения предложения на пары составляющих; предназначается для анализа и синтеза языковых текстов.

4. Трансформационный анализ, с помощью которого выясняются классы синтаксических конструкций, выражающих одну и ту же пропозицию или денотативную ситуацию (сестра читает книгу – книга читается сестрой – чтение книги сестрой).

5. Компонентный анализ семем, разлагающий их на семы.

Разработка структурных методов анализа языка продолжается.

Математические методы изучения языка.

Указанные методы получили развитие в середине XX века и были стимулированы перспективами машинного перевода (МП) с помощью ЭВМ, которые тогда стали входить в широкое употребление.

В процессе обработки текстов для их ввода в машину были получены разнообразные количественные оценки отдельных сторон языка, которые оказались важными и полезными не только для практического использования при составлении математических моделей языка, но и для лингвистической теории. Среди математических методов наиболее информативными для лингвистики оказались методы математической статистики, теории информации и математической логики.

1. Статистическими методами пользуются при изучении распространения языковых средств по функциональным стилям, при определении индивидуальных стилистических особенностей писателя и т.п.

2. Методы теории информации используются для улучшения передачи информации по техническим системам связи. Выяснено, что наибольшей избыточностью обладает деловой стиль. Самую низкую избыточность и соответственно самую высокую неопределенность (энтропию) имеет устная неподготовленная речь.

3. В русле математической логики разработан символический язык, которым изображаются высказывания и логические отношения между ними, понятия, классы понятий и логические отношения между ними, например, вхождение в класс (ворона – птица), пересечение классов (думать – мыслить), тождество и различие классов, отношения соединения (конъюнкция), выбора (дизъюнкция), условно – следственные отношения (импликация) и др.

Математические методы в основном пригодны для изучения количественных характеристик языка. Указанными тремя группами методов арсенал математического изучения языка не исчерпывается, но другие методы служат главным образом для машинной обработки языка.

Магистральное направление современной науки о языке – формирование корпусной лингвистики.

Корпусная лингвистика основывается на использовании корпуса, т.е. большего объема языкового материала, извлеченного из разнообразных источников и сведенного в компьютеризированную систему (например, Cobuild Bank of English включает более 500 млн словоупотреблений). Национальный корпус – это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов в электронной форме. Национальный корпус представляет данный язык на определенном этапе (или этапах) его существования и во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т.п.

Функциональные методы.

Данные методы позволяют выяснить особенности функционирования языковых элементов и факторы, влияющие на их употребление. Применение поля, построенного по принципу продуктивности, позволяет выявить нарождающиеся и отмирающие явления, определить динамику процессов, протекающих в языке.

Каждая группа методов применяется в своей области и решает свои задачи. Более того, разные методы дополняют друг друга при изучении разных сторон языковой деятельности. Так, структурные методы позволили глубже понять закономерности исторических изменений языковых систем. Типологические сопоставления раскрыли национальную специфику языков. Математические методы выявили многие особенности устройства и функционирования языков.

Таким образом, в каждой науке используемые ею методы изучения своего предмета определяются, во-первых, его спецификой, во-вторых, сложившимся у ученых – исследователей представлением о его сущности, происхождении, жизни и развитии; в-третьих, общим уровнем состояния знаний, т.е. развитием как данной науки, так и других наук, смежных с ней и несмежных, а также объемом вовлекаемого в исследование фактического материала; в-четвертых, целями и задачами, которые ставят перед собой исследователи.

Каждому из основных лингвистических методов посвящаем отдельную главу, в рамках которой рассмотрим историю возникновения метода, отдельные его приемы, сферы применения.

Сегодня никем уже не оспоривается, что наиболее перспективным является комплексный подход к изучению одного и того же языкового объекта.

В основе такого подхода лежат взаимодополняющие принципы – антропоцентризм и системоцентризм, утверждающие в нашей науке идеи множественности лингвистических интерпретации.

II. ОПИСАТЕЛЬНЫЙ МЕТОД КАК АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯРУСОВ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА

1. Общая характеристика описательного метода. Этапы описательного анализа.
2. Типы приёмов описательного метода:
   2.1. Приёмы внешней интерпретации.
   2.2. Приёмы внутренней интерпретации.
3. Полевая лингвистика.
4. Методика лингвистического эксперимента.

1. Описательный метод является наиболее древним методом языкознания. Он возникает на заре науки и является универсальным методом эмпирических наук. Базой этого метода служит один язык на уровне основных ярусов, рассматриваемых в аспектах синхронном, внепространственном, нефункциональном, идиоэтничном, неколичественном (если не считать грубые оценки «всегда», «часто», «редко»).

Описательный метод выделяется не всеми лингвистами. Так, например, его нет в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под ред. В. Н. Ярцевой. По сути дела лингвистическое описание составляет основу всякого исследования языка, поэтому в трудах В. И. Кодухова, Ю. С. Степанова и др. дается характеристика указанного метода.

По определению В. И. Кодухова, описательный метод – это система исследовательских приемов, применяемых для характеристики явлений языка на данном этапе его развития. Это метод синхронного анализа. Описательный метод имеет исключительное значение для практики обучения языку. Еще де

Соссюр отмечал, что для говорящих имеет значение только синхрония. Все грамматики – научные и школьные – составляются описательным методом. В упомянутом «Лингвистическом энциклопедическом словаре» понятие «описание» имеет отсылку к понятию «грамматика».

Господствующей методикой описательного метода является методика наблюдения с интуитивным выделением языковых единиц и сведением последних в совокупности.

Целью этого метода является установление фактов и явлений, включение их в обиход научного исследования. Он позволяет накапливать большое количество эмпирического материала, расклассифицированного и интерпретированного в первом приближении.

Этапы описательного метода.

На первом этапе описательного анализа из текста выделяются слова и предложения, т.е. номинативные и коммуникативные единицы языка. Выделение их не представляет в современном тексте трудностей, так как они выделяются графически. Слово – это отрезки текста от просвета до просвета; предложения – отрезки текста между двумя точками или знаками, их заменяющими. Графическая сегментация должна быть дополнена методикой идентификации языковых единиц, так как слитное и раздельное написание имеет варианты, фразеологизмы по значению равны слову и т.п.

Второй этап описательного анализа состоит в членении выделенных из текста единиц, т.е. нахождении структурных единиц. Вторичная сегментация идет двумя путями: слова членятся на морфемы и словоформы, а предложение – на словосочетания и члены предложения.

Третий этап описательного анализа связан с интерпретацией выделенных номинативно – коммуникативных (первый этап) и структурных
(второй этап) единиц. Структурная интерпретация осуществляется при помощи категориального и дискретного анализа.

Категориальный анализ состоит в том, что выделенные единицы объединяются в группы, анализируется структура этих

групп и каждая единица рассматривается как часть той или иной категории (категория подлежащего, дополнения и т.п.).

Методика дискретного анализа реализуется следующим образом: в структурной единице выделяются мельчайшие, далее неделимые предельные признаки. Изучается структура этих признаков, их распределение и значимость, так что единица языка рассматривается как пересечение этих признаков (признаки фонем, например, ряд, подъем, лабиальность и т.п.).

Номинативно-коммуникативные и структурные единицы являются предметом анализа, последние используются как инструмент познания языковых единиц.

Во всяком исследовании необходимо разграничивать единицы изучаемого объекта (в нашем случае – единицы языка) и единицы, создаваемые исследователем для усовершенствования процедуры анализа (единицы анализа). Единицы языка и единицы анализа могут принципиально не совпадать. Так, например, твердость – мягкость согласных не являются единицами языка, но они необходимый компонент анализа звука и фонемы.

Соотношение единицы языка и единицы анализа бывает двояким. С одной стороны, единицами анализа могут выступать реальные единицы языка (морфема, словоформа и т.п.). С другой стороны, единицами анализа могут быть такие элементы и отношения, которые сами по себе не образуют ни единиц языка, ни его категорий (например, фигуры и функции Л. Ельмслева).

В тех случаях, когда единицами анализа бывают реальные единицы языка, их отношение к единицам объекта может быть двояким: а) единица анализа меньше, чем исследуемая единица языка и речи. На этих соотношениях базируются две различные методики лингвистического анализа и описания языка – компонентный и контекстный анализ; б) единица анализа оказывается большей, чем единица языка и речи.

Компонентный анализ опирается на то, что единицы анализа являются элементами анализируемой языковой единицы – номинативно – коммуникативной и структурной. Например, членение слова на морфемы, разбор предложения по составу и т.п. Методика компонентного анализа разработана представителями

Казанской и Московской лингвистических школ. Более тонкий и более современный компонентный анализ рассматривается в ряду структурных методов и приемов исследования. Компонентный анализ недостаточен для изучения единиц языка, он должен быть дополнен анализом нормативности и контекстным анализом.

Контекстный анализ – это анализ части через целое, так как единицы анализа больше, чем изучаемые единицы языка. При контекстном анализе исследуемая единица языка рассматривается в составе контекста. Размер его зависит от характера исследуемой единицы (для фонемы достаточный контекст – отдельное слово, для сверхфразового единства – весь текст). Чаще всего контекстный анализ используется при семантическом исследовании (лексем и словоформ). Наиболее известны следующие приемы контекстной методики: прием семантико–синтаксического контекста А. А. Потебни, стратификационный прием школы Ферса – Холидея и прием операционного контекста, предложенный Г. В. Колшанским.

Следует подчеркнуть, что традиционная методика понимает компоненты и контекст как объективно существующее явление, нетрадиционная методика (структуральная и математическая) подчеркивает операционнальную природу компонента и контекста как явлений субъективно – научных, как единиц и отношений анализа.

2. Типы приемов описательного метода.

В традиционных (субстанциональных) исследованиях интерпретация считается обязательным компонентом третьего этапа описательного анализа языка, потому что выделение единиц языка предполагает их оценку, которая влияет на процедуру анализа, выбор его единиц, приемов и методик. Лингвистическая интерпретация признается самой существенной, поскольку она определяет самостоятельность науки о языке. Если исходить из такого понимания задач описательного изучения языка, то все приемы и методики лингвистического описательного метода могут быть подразделены на два основных типа – приемы внешней и приемы внутренней интерпретации.

2.1. Приемы внешней интерпретации.

Исследование назначения языковых единиц порождает приемы их функциональной интерпретации. По отношению к строению самих языковых единиц такая интерпретация является внешней. Долгое время основными считались приемы внешней, культурно – исторической интерпретации.

Приемы внешней интерпретации подразделяются на два вида:

1. Интерпретация языковых единиц со стороны их связей с неязыковыми явлениями; сюда относятся приемы социологические, логико-психологические и артикуляционно-акустические;

2. Интерпретация языковых единиц по их связи с другими единицами языка; в данную группу входят прежде всего приемы межуровневой интерпретации и дистрибутивная методика.

Рассмотрим приемы внешней интерпретации.

А) Социологические приемы

Данные приемы более применимы при нормативно – стилистическом и историческом изучении языка, однако они используются и при описательных исследованиях, особенно при изучении словарного состава языка.

1. Прием «слов и вещей» был предложен Г. Шухардтом и Р. Мерингером. Он состоит в том, что значение слова изучается в тесной связи с реалией, которую слово называет и обозначает. Значение слова раскрывается через описание реалий, свойства которых обнаруживаются или иллюстрируются примерами употребления данного слова. Основная продукция использования данного приема – словари.

2. Прием тематических групп состоит в том, что на основе какой-то одной предметно-тематической отнесенности избирается совокупность слов, которые подвергаются специальному изучению. При помощи тематических групп исследуется прежде всего субстантивная лексика (названия птиц, растений, питья и т.п.), а также терминологическая лексика.

3. Прием лингвистической географии состоит в изучении территориального распространения отдельных слов или их групп, в выявлении диалектных и языковых зон. Указанные действия

осуществляются при помощи лексикографического описания и составления словарных карт.

4. Прием нормативно-стилевых характеристик используется при составлении толковых словарей и при стилистической характеристике словаря отдельного художественного произведения или автора.

Б) Логико-психологические приемы

Логические законы и правила логических операций являются составной частью любого исследовательского приема. Логическими приемами лингвистического анализа называют однако не логические основания лингвистических приемов, а такие приемы лингвистического анализа, которые исследуют связи содержания языковых единиц и категорий с единицами и категориями мышления. Среди логических приемов лингвистического анализа выделяются приемы инвариантно-метаязыковые и вариантно-языковые; в истории языкознания эти два рода приемов были осознаны как логические и психологические приемы анализа языка.

1. Инвариантно-метаязыковые логические приемы анализа языка основываются на подчеркнуто дедуктивном пути познания, при котором конкретные единицы языка рассматриваются как реализация абстрактной модели языка, поэтому изучение метаязыка, соотнесенного прежде всего с абстрактной моделью языка, определение различных уровней абстракции и их структурно-системное описание составляет основную задачу логического познания языка. Эта задача определяет и методику лингвистического анализа. Предметом изучения становится стратификационная структура языка, логическая структура речевого акта и логико-тематическая структура контекста.

Инвариантно-логические приемы лингвистического анализа впервые были сформулированы в грамматике Пор-Рояля, а сейчас распространены в структуральном и логико-математическом языкознании.

2. Вариантно-языковые приемы логического анализа исходят из признания разнообразия единиц языка и самих языков, так что их обще-логические свойства проявляются весьма своеобразно и

противоречиво, поэтому предметом анализа являются конкретные единицы языка, их функционирование и связи не только с логическими формами мысли, но и с иными содержательными единицами и категориями. В языке в целом вариантно-языковые логические приемы применяются тогда, когда говорят о лингвистической относительности, о различных типах языковых значений, их категориях и связях с контекстом. Например, при изучении содержательной структуры предложения широко используются приемы логико-морфологического и актуально-синтагматического членения предложения. Логическая форма мысли выделяет субъектно-предикатную основу предложения, представленную главными членами предложения, и ее логическое распространение, выраженное второстепенными членами предложения.

В) Артикуляционно-аккустические приемы

Звуки речи могут получать физические и биологические характеристики; вместе с тем как продукт высшей нервной деятельности человека они – психическое явление. Так, артикуляция звука – это мускульное усилие, которое предполагает не только движение органов речи, но и контроль, и управление артикулированием, выработку навыков артикуляции, воспитание фонологического слуха.

Физические и физиологические свойства звуков речи изучаются при помощи прямого наблюдения и различных приемов экспериментально-фонетического метода. Артикуляционно-психологические и акустико-психологические особенности звуков речи исследуются при помощи классификации методик и компонентного анализа артикуляции звуков и артикуляционного акта. Компоненты артикуляции описываются при помощи артикуляционных таблиц, разработанных отдельно для гласных и согласных. Набор артикуляционных признаков бывает различным для разных языков. Так, артикуляционная характеристика согласных звуков русского и украинского языков включает 4 обязательных дифференциальных признака, указывающих на артикулятор (активный орган речи), место артикуляции, участие голосовых связок и наличие дополнительного движения

артикулятора, создающего палатализацию (например, согласный [д’] характеризуется как переднеязычный, зубной, звонкий, мягкий). В польском или французском языках обязательно указание на участие носового резонатора, а в немецком или якутском – на длительность артикулирования гласного.

Г) Приемы межуровневой интерпретации

Данные приемы, не имеющие однозначного наименования, широко применяются в практике лингвистического исследования. Смысл их состоит в том, что единицы смежного яруса или более мелкие единицы одного и того же яруса используются как единицы лингвистического анализа. При межуровневом анализе на свойства изучаемого явления смотрят с точки зрения смежного яруса, что открывает новые особенности изучаемых явлений и помогает установить межуровневые связи. Наиболее распространены приемы морфологического синтаксиса и морфемной морфологии.

Синтаксическими единицами обычно признают словосочетание и предложение; в их состав, не теряя при этом своей специфики, входят словоформы и части речи. Прием морфологического синтаксиса состоит в том, что синтаксическую структуру изучают с точки зрения ее морфологической выраженности (например, главный член номинативного предложения может быть выражен именем существительным, местоимением, числительным, субстантивированным словом, семантически и синтаксически неделимым словосочетанием).

Прием морфемной морфологии состоит в том, что морфема рассматривается как основная единица морфологии и морфологического анализа. При таком подходе к грамматическому строю методика морфемной членимости и морфемной структуры оттесняет все остальные стороны единиц и категорий морфологического яруса и языковой структуры в целом.

Д) Дистрибутивная методика

Языковые единицы в тексте соседствуют, предельные единицы соединены друг с другом в составе более сложных единиц языка. Среди приемов изучения сочетаемости выделяют позиционные и дистрибутивные.

Позиционные приемы основаны на признании позиционной структуры единиц языка (например, по модели N-V образуется множество предложений: Поезд идет. Студент спит. Птица летит и т.п.); с помощью дистрибутивных приемов изучают окружение языковых единиц, их контекст (например, дешифровочный анализ в русле дескриптивной лингвистики).

2.2. Приемы внутренней интерпретации

Единицы языка обладают собственным строением. Изучение его предполагает собственную, или внутреннюю, интерпретацию. В. И. Кодухов называет три вида внутренней интерпретации.

1. Приемы классификации и систематизации направлены на выделение различных групп, разрядов, классов языковых единиц, а также категорий, свойственных тем или иным единицам языка.

2. Приемы вскрытия строения выделенных единиц, категорий и их образцов. В данную группу входят: а) парадигматические приемы, в том числе оппозиционный и прием семантического поля; б) синтагматические приемы, в том числе позиционные; в) приемы преобразований, в том числе трансформационная методика.

А) Прием классификации и систематики

Классификация как логическая операция деления объема понятия состоит в том, что все множество изучаемых приемов или явлений разбивается на отдельные группы, классы на основе сходных или различных признаков. Примерами лингвистической классификации могут служить классификации слов по частям речи, простых предложений (двусоставные – односоставные и т.п.).

Б) Приемы парадигм и парадигматическая методика

Парадигматическая методика является одним из способов моделирования языка. Парадигма понимается как образец, который извлекается из речевого материала, но в речи ни одна парадигма полностью не реализуется (см. парадигму склонения имен существительных, спряжения глаголов и т.п.). Понимание языка как парадигматики привело к широкому использованию парадигматической методики. Стали выделяться синтаксические и лексико-семантические парадигмы, делаются попытки выявить фонологические парадигмы (их методика появилась как экстраполяция методики приема морфологических парадигм).

В) Оппозиционный прием

Оппозиция (от лат. Opposition – противоположение, противопоставление) – это любая противопоставленная пара языковых единиц: антонимы, гласные – согласные, совершенный – несовершенный вид. Методика приема оппозиций была разработана представителями Пражской лингвистической школы: Н. С. Трубецкой впервые применил его в фонологии, Р. О. Якобсон – в изучении морфологических категорий как оппозиционных семантических структур.

Прием оппозиции опирается на два основных принципа:

1) противопоставление языка (парадигмы) и речи (контекста); 2) признание неравноправности членов оппозиции. Категории языка понимаются как общие значения, образуемые пучком дифференциальных признаков. Последние образуют фонологическое содержание фонемы и грамматическое содержание словоформы, поэтому оппозиционному анализу предшествует компонентный анализ.

Первое правило методики оппозиционного анализа состоит в установлении дифференциальных признаков (для русских и украинских гласных – ряд, подъем, лабиализация). Второе правило – определение неравномерности членов оппозиции. Р. О. Якобсон, характеризуя маркированный член как А, а немаркированный как не-А, привел пару слов телка – теленок. Телка как маркированный член оппозиции всегда обозначает самку, теленок может обозначать и самца, и самку. Невыраженность содержательного признака члена оппозиции (теленок) делает его зависимым от контекста, порождает его частные значения и вторичные функции. Например, при употреблении настоящего исторического глаголов несовершенного вида можно указывать на однократное действие, обычно выражаемого совершенным видом: Вот входит в аудиторию студент. Таким образом, оппозиционный прием начинается компонентным анализом, а завершается контекстным. Собственно позиционными являются правила отбора дифференциальных признаков и их неравноправная интерпретация.

Г) Приемы семантического поля

Семантические признаки языковых единиц могут быть выражены в разной степени, иметь различную степень близости друг к другу. Этот прием предполагает построение модели по принципу «центр – периферия» и признает наличие постепенных переходов, непрерывность развертывания семантических признаков. Прием понятийного поля (Begriffsfeld), или поля Й. Трира, состоит в том, что в центре семантического поля находится семантическая доминанта, представляющая набор семантических признаков данного понятия, родового понятия или темы (предметной отнесенности). Наличие в центре многосемного компонента дает возможность развертывать его таким образом, что происходит сокращение признаков и удаление анализируемой единицы от центра. Крайне периферийные элементы обладают разной степенью удаления от набора признаков семантической доминанты и тем самым получают свою семантическую определенность, которая может быть охарактеризована как степень семантического тяготения и семантического расстояния.

Д) Прием семантической валентности слова (Bedeutungsfeld) В. Порцига изучает семантическую сочетаемость слова: данного существительного со всеми глаголами или прилагательными и т.п.

Е) Приемы преобразования и трансформационная методика.

Приемы преобразований базируются на понимании языка как процесса, как динамической структуры, отдельные единицы которой связаны друг с другом. Приемы преобразований возникли, с одной стороны, в сравнительно-историческом языкознании, а с другой – в логической лингвистике и при стилистическом анализе художественного текста. Методика преобразований использовалась для замены действительного оборота страдательным, при сокращении сложного предложения и развертывании простого. Так, Ф. И. Буслаев широко использовал прием сокращений придаточных предложений: тот, кто виноват – виновник; думаю о том, чтобы идти – думаю идти и т.п.

Традиционная трансформационная методика (методика преобразований) состоит в установлении правил преобразований, определении направления трансформационного процесса и сравнении полученных трансформ или взаимотрансформируемых

единиц (синонимических или производных). Трансформационная методика исходит из признания взаимосвязи, родственности единиц языка. Она широко используется для изучения синтаксических особенностей, применяется и для анализа единиц других ярусов языка. При использовании традиционной трансформационной методики допускалось устанавливать любые связи, которые давали данные реального языка и его категорий. Логическая процедура рассматривалась как правило формальной логики, а потому оставалась за пределами лингвистического анализа. Напротив, при структурно – математическом анализе логическая процедура анализа становится четко выраженной и составляет существенную его часть.

Таким образом, современный описательный метод постоянно обогащается за счет методик и приемов анализа, разработанных в русле иных лингвистических методов.

3. Полевая лингвистика

Описательный метод в чистом виде реализуется в описании неизученных бесписьменных языков и диалектов. Полевая лингвистика «открывает» язык, описывает все уровни его структуры, на основании чего дает ему генетическую и типологическую атрибуцию, т.е. определяет принадлежность к той или иной семье или группе родственных языков, к тому или иному типу или классу языков.

Полевая лингвистика способствовала созданию письменности для народов Севера, Средней Азии и Кавказа в 20-30-е г.г. XX века, активизации диалектологических исследований и изучению синхронного состояния языков.

Методика полевой лингвистики складывается из приемов описания языка-объекта, обнаружения языковых, грамматических фактов, из гипотезы о свойствах языка вообще, из приемов извлечения лингвистической информации у информанта, из методик практического обучения языку-объекту.

Полевая лингвистика тесно связана с различными областями науки о языке – типологией, теорией грамматики, психолингвистикой, дешифровкой, теорией детской речи, методикой обучения иностранному языку.

В истории языкознания было много замечательных практиков полевой лингвистики: американцы Ф. Боас, Л. Блумфильд, Э. Сепир, Б. Уорф, М. Сводеш; отечественные П. К. Услар, В. Г. Богораз, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. Ф. Яковлев, Е. Д. Поливанов, Л. В. Щерба, П. С. Кузнецов и мн. др.

Классическим примером реализации описательного метода в его полевой версии могут служить ранние грамматики языков, первые толковые словари, многочисленные записи миссионеров, зафиксировавших образцы языка экзотических племен и народов, сюда же можно отнести и диалектологические записи.

В качестве главного недостатка описательного метода считается «атомизм», т.е. выявление и описание факта осуществляется вне связи с другими фактами, при этом, естественно, теряется значительная часть информации.

4. Методика лингвистического эксперимента

В XX в. описательный метод углубляется и совершенствуется благодаря внедрению методики лингвистического эксперимента.

Обязательные признаки эксперимента – наличие контролируемых условий и воспроизводимость.

В языкознании первым, кто поставил проблему лингвистического эксперимента, был академик Л. В. Щерба (статья «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании»).

Как следует из указаний статьи, возможны три типа лингвистического эксперимента. Во-первых, эксперимент как способ проверки адекватности теоретических построений фактам языка. Направление движения исследовательской мысли от системы к языковому материалу. Во-вторых, «можно произвольно сочетать слова и, систематически заменяя одно другим, меняя их порядок, интонацию и т.п., наблюдать получающиеся при этом различия» [Щерба 1974: 32]. В-третьих, анализ отрицательного материала – ошибок, неудачных высказываний, оговорок, детской речи.

К экспериментальным относятся приемы, связанные с обращением к информантам, а также приемы с применением статистической обработки количественных данных о статусе и функционировании языковых единиц.

Вслед за Л. В. Щербой, принято считать, что эксперимент возможен только при изучении живых языков.

Хрестоматийным примером лингвистического эксперимента, доказывающего, что грамматические формы содержательны, стало предложение Л. В. Щербы «Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка».

В настоящее время экспериментально изучается значение слова, смысловая структура слов, лексические и ассоциативные группировки, звукосимволическое значение слова и т.п.

В качестве примера успешного использования лингвистического эксперимента в методической практике приведем пример из статьи М. М. Бахтина «Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе: стилистическое значение бессоюзного сложного предложения», в которой анализируется преобразование бессоюзного сложного предложения из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в сложноподчиненное.

Он засмеется: все хохочут (Пушкин) ≥ достаточно ему засмеяться, как все начинают угодливо хохотать (по мнению М. М. Бахтина, данная трансформация наиболее адекватна по смыслу, хотя свободно перефразирует пушкинский текст).

Динамическая драматичность пушкинской строки достигается строгим параллелизмом в построении обеих предикативных частей бессоюзного сложного предложения, что обеспечивает исключительную лаконичность пушкинского текста: две нераспространенные предикативные части общим объемом в 4 слова с удивительной полнотой раскрывают роль Онегина в собрании чудовищ. Пушкинское бессоюзное сложное предложение не рассказывает о событии, но драматически разыгрывает его перед читателями. Союзная форма подчинения превращает показ в рассказ.

Чаще всего языковые эксперименты сводятся к различного рода трансформациям.

Подводя итоги анализа описательного метода, подчеркнем, что он используется для представления языка не в виде перечня, набора отдельных слов и грамматических форм, а в виде определенной действующей системы.

III. ЛИНГВОГЕНЕТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

1. Сравнительно-исторический метод.
2. Историко-сравнительный (исторический) метод.

Ученые полагают, что с момента зарождения членораздельной речи и до настоящего времени на Земле появилось приблизительно 7000 языков. Ныне на земном шаре насчитывается около 3000 живых языков – больших и малых наций, языков народностей и малых этнических групп. Если на китайском языке говорят приблизительно 700 миллионов носителей, то на водском – всего 50 человек, живущих в Ленинградской области. В Конго существует 500 языков, в Индонезии – 250. В РФ свыше 100 языков, из них около 70 письменных.

Лингвогенетические методы основываются на диахронном подходе к языку и используются при изучении истории отдельных языков или группы родственных языков.

Поскольку базой диахронного исследования может быть один язык и целая языковая семья, четко противопоставляются 2 лингвистических метода – исторический (историко-сравнительный) и сравнительно-исторический.

Исторический (историко-сравнительный) метод складывается в недрах другого лингвистического – сравнительно-исторического метода. От идеи сравнения родственных языков лингвистика перешла к сравнению внутри одного языка. Оба метода, основанные на принципах сравнения и историзма, пользуются общим арсеналом методик.

Языки обнаруживают ту или иную степень родства между собой, причем общность происхождения обусловливает определенную схожесть в закономерностях развития. На этой идее возник в XIX в. сравнительно-исторический метод, с которого

начинается теоретическое языкознание как самостоятельная наука. Основным результатом метода было открытие законов, определявших развитие родственных языков в прошлом. Благодаря ему уже в XIX в. были достигнуты большие успехи в изучении истории звуковой и морфологической структуры индоевропейских языков.

Сравнительно-исторический метод – это совокупность исследовательских примов, направленных на решение ряда задач:

1) установление генетического родства между различными языками определенного ареала;

2) объяснение генетической общности определенных языков;

3) объяснение причин и условий образования праязыка, отдельных языковых ареалов и самостоятельных языков;

4) обнаружение и объяснение закономерностей эволюции группы родственных языков, выявление вторичных схождений и расхождений между ними, выявление архаизмов и новообразований в языках той или иной генетически родственной языковой группы.

В совокупности конкретных методов лингвистического исследования большая роль отводится приему сравнения. Исторические сведения нужны лингвисту для того, чтобы яснее представить развитие языка или группы родственных языков. Сравнительно-историческое изучение языков основывается на факте разновременного появления компонентов языка, которое приводит к тому, что в языках одновременно существуют пласты, относящиеся к разным хронологическим срезам. В силу своей специфики как средства общения язык не может изменяться одновременно во всех своих элементах. Разнообразные причины языковых изменений также не могут действовать одновременно. Все это позволяет восстановить с помощью сравнительно-исторического метода картину постепенного развития и изменения языков со времени их отделения от праязыка той или иной языковой семьи.

Сравнительно-исторический метод основывается на сравнении языков. Сравнение состояния языка в различные периоды помогает создать историю языка. Материалом для

сравнения служат наиболее устойчивые его элементы: в области морфологии – словообразовательные и словоизменительные форманты, в области лексики – этимологически надежные слова (термины родства, слова, обозначающие жизненно важные понятия и явления природы, числительные, местоимения и другие устойчивые лексические элементы).

Основными приемами сравнительно-исторического метода являются прием генетического отождествления фактов, прием лингвистической хронологии, прием внешней реконструкции и прием лингвистической географии.

Приемы воплощаются в конкретных методиках.

Методика внешней реконструкции – установление закономерностей развития родственных языков при помощи сравнительно-исторического метода. Можно восстановить языковую картину в период, зафиксированный памятниками письменности. Например, А. Х. Востоков установил значение юсов.

Методика относительной хронологии позволяет определить, какое из двух языковых явлений предшествовало другому (I, II палатализации).

Методика глоттохронологии устанавливает, с какой скоростью происходят изменения и насколько постоянна эта скорость. Методика была создана в 1948-1952 гг, автор – М. Сводеш.

Пространственный аспект языка успешно исследуется методикой лингвистической географии, которая основывается на понятии изоглоссы (изо-«одинаковый», глосса – «слово»). Изоглосса – это линия, соединяющая конечные пункты распространения того или иного языкового явления. Изоглоссы отделяют друг от друга районы, отличающиеся языковыми особенностями. Если какой-либо пункт обладает уникальной языковой особенностью, то изоглосса будет просто линией вокруг данного пункта. Так, пучки диалектных изоглосс помогли уточнить границы древнерусских княжеств.

Картографирование языковых фактов впервые было использовано в начале XIX в., когда группа английских ученых предприняла обзорное описание языков Индии.

Результат картографирования – создание атласов. Известны два типа лингвистических атласов: 1) общеязыковые (общенациональные), которые отражают наиболее важные для данного языка явления; и 2) региональные (областные, территориальные), цель которых охватить сравнительно небольшую территорию и выявить локальне языковые черты. Пример первого типа – «Общеславянский лингвистический атлас», представляющий родственные языки; и «Лингвистический атлас Европы» – типологически различные языки. Второй тип – «Общекарпатский диалектологический атлас».

Сравнительно-историческое языкознание, у истоков которого стояли Ф. Бопп, А. Х. Востоков, Я. Гримм, Р. Раск, начинает анализ с того, что, заимствуя типологические данные, очерчивает круг языков, которые могут восходить к общему источнику, т.е. круг предположительно родственных языков. Однако типологическое сходство не доказывает родства языков. Например, тюркские и монгольские языки обладают заметным типологическим сходством, но относятся к разным семьям.

До начала сравнительно-исторического исследования гипотеза о родстве группы языков поддерживается еще и наличием некоторого количества слов, имеющих сходное звучание и значение. Однако сходство словаря не считается доказательством родства языков, оно может быть следствием культурного влияния. Например, в японском языке до 70 % слов – китайского происхождения, но эти языки не родственны. Однако сходство словаря – исключительно важный гипотетический признак родства языков.

После того как с помощью гипотезы о родстве языков образована база сравнения, переходят к верификации гипотезы, которая составляет суть сравнительно-исторического исследования. Основой сравнительно-исторического метода является полная индукция. Вывод делается по всей совокупности языковых фактов. Сравнение предположительно родственных языков начинается со сравнения словаря. Морфологические и фонетические различия могут быть суммированы. Для этой цели составляют списки родственных частей слов: корней и аффиксов. Сопоставление далее

может вестись уже не по словам, а по корням и аффиксам. Сопоставление частей слов существенно расширяет базу сравнения. Общих частей слов в родственных языках значительно больше, чем общих слов. Это является одним из признаков родства языков: если число общих частей слов превышает число общих слов, то языки родственны, если же число общих слов превышает число общих частей слов, то неродственны или отдаленно родственны.

Если устанавливается историческая преемственность сравниваемых языков, то соответствия в звуках общих слов, корней и аффиксов в исторически преемственных родственных языках получают название **фонетических** (или звуковых) **законов**. Фонетический закон устанавливается сравнением звуков по их позициям в словах и морфемах. Например, готск. widuwō – н.в.-нем. wituwa “вдова”. Закономерное изменение рядов звуков распространяется не только на слова с однородным значением, но и на другие исконные слова и обнаруживает относительную самостоятельность эволюции звуков речи. Фонетические законы объясняют историческую преемственность языков. Наличие фонетических законов, связывающих сходные и не сходные по значению слова, указывает на историческую непрерывность и историческую изменчивость материала речи и является важным методологическим достижением сравнительно-исторического языкознания. Прослеженная непрерывность эволюции языков является основным доказательством их родства. Все языки, гипотетически выделенные как родственные, признаются родственными лишь тогда, когда доказана непрерывность эволюции их звуков и морфемного состава до современного состояния и показана точка дивергенции на линии непрерывности. Доказательством непрерывности эволюции завершаются аналитические процедуры сравнительно-исторического метода.

Анализ позволяет рассмотреть непрерывность отношений между языками и тем самым доказать происхождение всех языков одной семьи из общего языка-основы. В задачу синтеза входит упорядочение исторических отношений между языками, классификация звуков внутри семьи по их историческим соотношениям и систематизация всех фактов непрерывности

эволюции в их отношении к посторонним (относительно непрерывности эволюции) влияниям.

Синтез осуществляется с помощью построения реконструкций, классификаций и выведения этимологий. Эти методики находятся во взаимной связи, каждая из них и все вместе представляют гипотезы об историческом процессе. Эти гипотезы верифицируются и прямо – языковыми фактами, и косвенно – свидетельствами разных исторических источников, данными истории материальной культуры, свидетельствами документов, дешифровкой письменных памятников.

Сравнительно-исторический метод обращен на современные языки: чем более в глубь истории прослежена судьба какого-либо языка, тем более обстоятельно и широко освещено его современное состояние. Историческое истолкование современного языка (единиц и системы) есть его этимология. Этимология в широком смысле слова – общий итог применения сравнительно-исторического метода. Она представляет собой историческое обоснование внутренней формы современного языка. Внутренняя форма языка, т.е. специфический для данного языка способ передавать звуками значение, раскрывается сравнительно-историческим методом относительно всей совокупности связей звука и смысла слов: общих отношений способов выражения лексического и грамматического значений в слове, истории звуков речи, истории форм словообразования и словоизменения. Этимология в широком смысле слова используется при построении специальных лингвистических дисциплин, таких, как история языка, история литературного языка, диалектология и др.

В современных сравнительно-исторических исследованиях все более распространяется точка зрения, согласно которой утверждается научно-познавательная значимость праязыковой гипотезы. Восстановление индоевропейского праязыка-основы сейчас не является конечной целью компаративистских исследований. В работах отечественных языковедов неоднократно подчеркивается, что реконструкция праязыковой схемы должна рассматриваться как создание точки отсчета при изучении истории языков. В этом заключается научно-методическое значение

реконструкции языка-основы любой языковой семьи, поскольку, будучи отправной точкой отсчета на определенной хронологической плоскости, реконструированная праязыковая схема позволит нагляднее представить историю развития конкретной группы языков или отдельного языка.

Возникновение и развитие сравнительно-исторического метода прошло несколько этапов:

1) I пол. XIX в. – зарождение метода в работах Ф. Боппа, Р. Раска, А. Х. Востокова, Я. Гримма и А. Шлейхера;

2) II пол. XIX в. – нач. XX в. – развитие метода в трудах младограмматиков, возникновение понятий фонетического закона и аналогии;

3) 50-е гг. XX в. – начало современного этапа, характеризирующегося освоением нового языкового материала, привлечением новых памятников, использованием последних достижений языкознания в целом.

Недостатки метода:

1) метод эффективен только при наличии ряда родственных языков, исследовать изолированные языки им нельзя;

2) почти невозможно выявить уже утраченные отличия в родственных языках, к тому же материальная общность элементов в родственных языках может быть не только следствием их генетического тождества, но и результатом заимствования, разграничить эти два источника во многих случаях бывает трудно.

Необходимо проводить четкое разграничение сравнительно-исторического исследования и сравнительно-исторического метода.

Сравнительно-исторический метод представляет собой систему исследовательских приемов, используемых при изучении родственных языков для восстановления исторического прошлого этих языков в целях раскрытия закономерностей их развития, начиная от языка – основы.

Однако в сравнительно-историческом исследовании, преследующем эти цели, используются и другие методы и приемы. В последнее время особое внимание уделяется внутренней реконструкции, тесно связанной с принципом относительной хронологии.

2. Как неоднократно подчеркивалось, сравнительно-исторический метод основывается на сравнении нескольких родственных языков.

Исторический (историко-сравнительный) метод был разработан гораздо позднее описательного, по существу историко-сравнительный метод ограничивается рамками одного языка и фиксирует внимание на отдельных языковых ярусах – фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом.

Практические достижения этого метода воплощаются и закрепляются в исторических грамматиках языков.

Техника историко-сравнительного метода сводится к методике сравнения одного явления, взятого на разных этапах языкового развития и соответственным образом интерпретированного.

Историко-сравнительный метод освещает этапы развития языков в их хронологической последовательности от форм архаических до форм современных.

Возможно и обратное – ретроспективное – движение исследовательской мысли: от состояний языка современного, развитых, зрелых форм к формам предшествующим. Этот путь познания получил название актуализма (реконструкции).

Историко-сравнительный метод – это система приемов и методик анализа, используемая при изучении исторического развития отдельного языка в целях выявления его внутренних и внешних закономерностей.

Принцип историко-сравнительного метода – установление исторического тождества и различия форм и звуков языка. Важнейшие приемы историко-сравнительного метода: приемы внутренней реконструкции и хронологизации, диалектографии, культурно-исторической интерпретации, текстологии.

1) **Прием внутренней реконструкции** состоит в том, что более древняя форма восстанавливается путем сопоставления разных ее отражений в пределах одного и того же языка; факты родственных языков не используются или используются для контроля. Например, при словообразовании и словоизменении в русском языке обнаруживается чередование а\им\ен\ин (снять –

снимать, имя – имена, память – поминать и т.п.). Часть таких форм заимствована из старославянского языка, часть – исконные восточнославянские. По всей вероятности, в более ранний период в восточнославянских диалектах был носовой гласный переднего образования. Следовательно, носовые гласные были свойственны не только общеславянскому, но и отдельным славянским языкам.

2) **Прием хронологизации** языковых явлений состоит в том, что языковые факты получают абсолютную и относительную датировку.

А) **Абсолютная хронология** устанавливается путем выявления первой фиксации данного факта в каком-либо источнике: памятнике письменности, свидетельстве современника и т.п. Так, из воспоминаний одного старого писателя узнаем, что в 1910 г. говорили и писали летун, летатель, летчик, хотя более употребительным было заимствованное слово авиатор – так датируется употребление слов авиатор и летчик. Если сравнить эти показания с данными современных словарей, то можно заметить, что сейчас более употребительно слово летчик, у которого есть синоним – архаическое авиатор и специальное пилот, слово летун стало разговорным и изменило значение, слово летатель исчезло.

Б) **Прием относительной хронологии** заключается в датировке явлений относительно друг друга. Так, В. А. Богородицкий отсутствие I лабиализации в словах дед, отец и наличие в ее слове полет объясняет тем, что переход [е] в ['о] произошел позднее исчезновения Ђ (сравните рус. *дед* и укр. *дід)* и отвердения ц (*отец*). Следовательно, эти явления имеют разную хронологию относительно друг друга.

Прием хронологизации языковых явлений, включая сюда методику выявления архаизмов и неологизмов, имеет большое значение не только при историко-сравнительном, но и при использовании описательного метода, так как любое полное синхроническое описание языка, по справедливому замечанию Е. Куриловича, не может обойтись без понятий архаизма и инновации.

3) **Диалектографические приемы** используются при сборе, обработке и интерпретации диалектного материала. Они охватывают приемы диалектологических, лингвогеографических и

ареальных исследований. Но если лингвогеограф пользуется ареальными (изоглоссными) приемами, то диалектолог – методикой полевого анкетирования.

4) **Прием культурно-исторической интерпретации** основан на тесных связях языковых явлений с данными этнографии и демографии.

Этнографическая интерпретация – это этнографическая группировка языков и языковых явлений, особенно диалектной лексики, а также выделение и характеристика «этнографизмов».

Примером культурно-исторической интерпретации является социологическая периодизация истории русского литературного языка и установление связи истории литературно-письменного языка с историей деловой письменности и языком художественной литературы. С культурно-исторической интерпретацией связана методика истории отдельных слов. Эта методика состоит в том, что история значений какого-либо слова современного языка прослеживается в связи с историей обозначаемых им реалий и историей словарного состава языка. Например, в древнерусском языке красный – «красивый, радостный», во II половине XVII в. появилось прилагательное «красивый», а слово красный стало обозначать только цвет, сохранившись как постоянный эпитет; в конце XVIII – начале XIX в. под влиянием французской буржуазной революции данный цвет, а вместе с ним слово стал символом революционной борьбы.

5) **Текстология** – это сумма приемов по изучению истории текста (литературного памятника или исторического документа), установлению основного текста и его вариантов (списков, редакций), авторства и времени написания, подготовки текста в соответствии с типом издания. Зачатки текстологии относятся к александрийской эпохе, когда грамматики из Александрии пытались восстановить тексты «Одиссеи» и «Илиады». Отечественная текстология берет свое начало с расшифровки «темных мест» «Слова о полку Игореве», впервые изданного в 1800 г. Отметим, что текстология – современный термин, ранее в ходу были филологическая критика, археография, экзегетика,

герменевтика (последняя в наше время приобретает новое значение).

Текстологическое исследование предполагает использование сравнительно-исторического метода при изучении списков и изданий одного и того же текста, реже – родственных текстов («Слово о полку Игореве» – «Задонщина»). Основные текстологические приемы таковы: критика (рецензирование), атрибуция и интерпретация текстов (рукописей, изданий). Текстологические исследования требуют комплексного использования исторических, литературоведческих и лингвистических знаний. Практическим результатом текстологических разысканий является публикация памятников. При текстологическом анализе лингвистические особенности остаются в тени, в связи с этим возникла потребность в разработке лингвистического источниковедения.

6) **Предмет лингвистического источниковедения** – выявление, аннотирование и систематизация источников с точки зрения их лингвистической содержательности, информативности и разработка принципов их воспроизводства.

Таким образом, вслед за А. А. Реформатским, подчеркнем: «Хотя в самой технике применения они (сравнительный и сопоставительный методы – Л.И.) могут совпадать, «выходы» сравнительного и сопоставительного анализа разные: первый ориентирован на обнаружение подобного, второй – на обнаружение различного».

В целом историко-сравнительный метод – основа лингвистической дисциплины, названной акад. А. А. Шахматовым историей языка, в рамках которой объединились историческая грамматика и диалектология.

Из истории языка как лингвистической дисциплины вычленилась история литературного языка, где сравниваются разные формы литературной речи, рассматривается их эволюция. Каждая из упомянутых дисциплин своим возникновением обязана особому предмету и специфическому применению к его исследованию историко-сравнительного метода.

IV. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ (ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ) МЕТОД

1. Общая характеристика сопоставительного (типологического) метода.
2. Сравнительно-сопоставительное изучение родственных и неродственных языков.
3. Проблема контрастивной лингвистики.
4. Типологическая характеристика языка и типологическая класификация языков.
5. Проблемы языковых универсалий.

1. Обоснование сравнительно-сопоставительному методу дал В. фон Гумбольдт вместе с зарождением в компаративистике новой дисциплины – лингвистической типологии. Именуют его по-разному: сопоставительный, сравнительно-сопоставительный, типологический.

Изначально он предназначался для исследования грамматического строя неродственных языков (Фридрих и Август Шлегель, В. фон Гумбольдт, А. Шлейхер, Ш. Балли, Е. Д. Поливанов и др.), позже сфера его применения расширяется: возникают типологические фонология, лексикология, дериватология и т.п.

В современном языкознании все больший вес приобретает типологический (сопоставительный) метод, сущность которого заключается в том, что сравниваются языковые структуры в их сходстве и различии независимо от генетической принадлежности самих языков.

Базой этого метода являются все языки мира, рассматриваемые в синхронном, внутриструктурном, непространственным, генерализованном и универсальном аспектах.

Типологические исследования опираются в основном на сопоставительные и классификационные методики.

Типологический метод интуитивно использовался очень давно. Многовековая традиция изучения иностранных языков опиралась на сравнение чужого языка с родным – это и есть сопоставительный метод в зачаточном состоянии.

Цели сопоставления в изучении языков реализуются в подходах: классификационный, характерологический, признаковый, внутрисистемный, контрастивный, универсологический.

Первый по времени создания – классификационный подход, согласно которому все языки мира по одному какому-либо признаку разграничиваются на группы языков. Известны генеалогическая, ареальная и морфологическая классификации, единицами которых являются языковая семья, языковой союз и класс языков.

При сопоставительном изучении языков исторический аспект не играет никакой роли: сопоставляться могут как родственные, так и неродственные языки. Сопоставительный метод – исследование и описание языка через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности. Он особенно эффективен применительно к родственным языкам, так как их контрастные черты проступают наиболее ярко на фоне сходных черт. Идея сопоставительного метода была теоретически обоснована И. А. Бодуэном де Куртенэ, элементы сопоставления встречались и в грамматиках XVIII – XIX вв., но как лингвистический метод с определенными принципами он стал формироваться в 30-40-х годах XX в. В нашей стране важный вклад в теорию и практику сопоставительного метода внесли в эти годы Е. Д. Поливанов, Л. В. Щерба, С. И. Бернштейн. Классическим применением указанного метода стали труды Е. Д. Поливанова (1933 г.), Ш. Балли (1935 г.). Значение сопоставительного метода возрастает в связи с увеличением интереса к лингвистическим основам преподавания неродных языков.

Практической целью сравнительно-типологического исследования языков, по мнению В. Г. Гака, является:

а) выявление схождений и расхождений в использовании языковых средств различными языками. Это имеет важное методическое значение, ибо знание расхождений позволяет преодолевать языковую интерференцию: влияние одного (родного) языка при пользовании другим языком, кроме того, оно дает лингвистическое обоснование закономерностям перевода;

б) изучение конкретных особенностей обоих языков. Сопоставление позволяет иногда выявить некоторые особенности иностранного и родного языков, ускользающие при его «внутреннем» изучении;

в) установление общих закономерностей и фактов, свойственных разным языкам, выявление языковых универсалий и возможностей их реализации в конкретных языках. Такой подход позволяет отличить общечеловеческое от специфического в изучаемом языке, глубже постичь устройство человеческого языка в целом, закономерности языковой деятельности человека, что имеет важное философское и общеобразовательное значение.

2. Сравнительно-сопоставительное изучение родственных и неродственных языков.

Сравнительно-типологическое изучение языков дает возможность выявить структурные особенности различных языков. При помощи сопоставительного метода изучаются степень и характер влияния одного языка на другой в результате исторических и территориальных контактов. Сопоставительное изучение отдельных языковых явлений помогает выявить их существенные признаки с точки зрения как всех сопоставляемых языков, так и каждого языка в отдельности. Сопоставительный метод распространен в прикладном языкознании – в теории и практике составления двуязычных словарей и переводов, в методике преподавания второго языка.

По определению В. И. Кодухова, сопоставительный метод – это система приемов и методик анализа, используемых для выявления общего (всеобщего) и особенного в сравниваемых языках. Сопоставительный анализ зависит от того, какие цели ставит перед собой исследователь, сколько языков он привлекает для сравнения и какой способ описания избирает.

Сравнение фактов разных языков поставило перед языкознанием задачу установления принципов такого сравнения, так как сравнение может быть проведено неправильно и не дать верного результата. Например, если сравнить по созвучию русское междометие *ну*! и китайское слово *ну* «раб», то такое сравнение бессмысленно, хотя и может породить ложную русско-китайскую этимологию: «раб тот, кого понукают». Так, В. К. Тредиаковский, соединяя русское слово *скот* и племенное имя шотландцев *skott*, утверждал, что название этого народа пошло от слова *скот* «животные». Поэтому сравниваться между собой должны целые системы, лишь после этого можно сравнивать части систем или даже отдельные элементы, но только в том случае, когда установлено, что подсистема или отдельные элементы занимают в целых системах аналогичные места.

Установление оснований сопоставления.

Основание сопоставления устанавливается при помощи языкового и признакового сопоставления. Чем больше сходных явлений, чем больше общих признаков, тем больше и различий. При отсутствии сходных явлений в двух или более языках сопоставительное изучение ограничивается констатацией этого различия.

Прием языкового сопоставления состоит в том, что основой сопоставления выступает какой-то один язык. Выбор его обусловливается либо задачами исследования, либо степенью изученности сопоставляемых языков. Так, в прошлом при создании грамматик многих европейских языков за образец и основание сопоставления бралась латинская грамматика. Начало сравнительному языкознанию было положено в XVI в., когда стали создаваться грамматики национальных языков Европы. Новые национальные (иначе – вульгарные, т.е. народные) языки были значительно менее разработаны в сравнении с языками классическими: латинским, греческим и древнееврейским. Вместе с тем, классические языки не были в то время мертвыми, так как существовала письменная и устная языковая практика на этих языках, прежде всего в сфере религии и учености: на этих языках осуществлялась деловая переписка, писались и печатались книги,

велось преподавание и т.д. Национальные языки в то время не использовались в научном и религиозном общении, а также, что самое важное, в деловом общении. Их словарь и формы синтаксиса были для этого недостаточно развиты. Чтобы уравнять по выразительным средствам классические и новые вульгарные языки, необходимо было их сопоставить и выяснить объем и уровень их выразительных средств.

Прием признакового сопоставления состоит в том, что основанием сопоставления избирается какое-либо явление того или иного языка, признаки этого явления, причем количество и качество признаков у разных структурных элементов языка неодинаково, поэтому различаются по своей природе и общие признаки, выступающие основанием сопоставления. Так, звуки речи имеют общие артикуляционные и акустические признаки – это и может стать основой сопоставления.

Языковое и признаковое сопоставление имеют свои преимущества и недостатки. Так, при помощи языкового сопоставления шире выявляются и отличительные особенности сопоставляемых языков, однако, поскольку основанием сопоставления выступает один язык, у сопоставляемых языков обнаруживаются лишь те особенности, которые видны через язык, являющийся основанием сопоставления. Те же особенности, которые специфичны для другого языка, остаются в тени. При помощи признакового сопоставления глубже выявляется различие сопоставляемых явлений; широкое привлечение фактов разных языков ведет к установлению универсальных (общеязыковых) свойств и того, что является особенным в каждом языке. В лингвистической практике приемы признакового и языкового сопоставлений часто совмещаются, дополняя друг друга.

Сопоставительная интерпретация.

Данная процедура осуществляется при помощи методики параллельного изучения, структурной интерпретации, стилистической интерпретации.

Методика параллельного изучения состоит в том, что факты и явления рассматриваемых языков изучаются в каждом из них с

использованием приемов и методики описательного метода, а полученные результаты сопоставляются.

3. Проблемы контрастивной лингвистики.

Контрастивная лингвистика (конфронтативная лингвистика) – направление исследований общего языкознания, интенсивно развивающееся в 50-х гг. XX в. Целью контрастивной лингвистики является сопоставительное изучение двух, реже – нескольких языков для выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры прежде всего в дидактических целях. Ранними источниками контрастивной лингвистики можно считать наблюдения над отличиями чужого (иностранного) языка по сравнению с родным, которые нашли свое отражение в грамматиках, публиковавшихся в разных странах (в Западной Европе особенно активно – начиная с эпохи Возрождения), и работы по типологическому сравнению неродственных языков, проводившиеся в связи с задачами типологической (морфологической) классификации языков. Эти два источника в известной мере ощущаются в контрастивной лингвистике и поныне.

В работах, направленных на улучшение методики изучения иностранного языка, родной язык берется как исходная модель, «язык – эталон», с которой по линии сходства и главным образом различий сравнивается изучаемый иностранный язык. Работы подобного рода охватывают обычно всю область грамматики (иногда и фонетики) в целом.

Началом контрастивной лингвистики принято считать появление в 1957 г. работы Р. Ладо, однако труды отечественных языковедов конца XIX – начала XX вв. содержали не только богатые материалы по сопоставительному изучению языков, но и положения о возможностях применения контрастивного метода (работы А. А. Потебни, Ф. Е. Корша, позже Е. Д. Поливанова, все – с уклоном в типологию), труды В. А. Богородицкого, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы содержат изложение теоретических основ сравнения родного и иностранного языков.

Улучшение преподавания родного и иностранного языков в национальных школах, создание двуязычных словарей, некоторые

вопросы перевода явились сферами практического приложения теоретических достижений контрастивных исследований.

Собственно контрастивные работы не всегда четко выделяются среди многочисленных изысканий сопоставительного характера, что часто отражается на применяемой в них терминологии. Видимо, в контрастивных исследованиях главное внимание должно уделяться специфическим чертам сравниваемых языков на основе некоторого набора общеязыковых явлений.

Отечественную современную контрастивную лингвистику характеризует прежде всего установка на анализ форм в связи с передаваемым содержанием и оценка функциональной значимости отдельных явлений в системе языка. Имеются работы, в которых за исходный пункт берется то или иное понятие и соответственно рассматриваются формы его выражения в сравниваемых языках. Подобные исследования часто смещаются в сторону теории универсалий, и не случайно многие языковеды полагают, что, несмотря на быстрое развитие контрастивной лингвистики, ее место в номенклатуре лингвистических дисциплин еще нуждается в уточнении.

4. Типологическая характеристика языка и типологическая классификация языков.

Развитие типологии протекало параллельно с развитием сравнительно-исторического языкознания; время его рождения – первая треть XIX в. (Германия), но формирование типологии было подготовлено лингвистикой XVIII в. – философией языка (Р. Декарт, Г. В. Лейбниц, И. Г. Гердер) и универсальной («всеобщей») грамматикой, показавшей принципиальную сопоставимость языков различного происхождения; первый опыт исследования типологической эволюции языков находим у А. Смита (1759 г.), искавшего причины сдвига от синтетизма к аналитизму в европейских языках. У истоков типологизма стоят Ф. и А. Шлегели и В. фон Гумбольдт; типологический аспект присутствует и в глоттогонической концепции Ф. Боппа. Основное внимание в первых типологических разысканиях XIX в. уделялось определению морфологических типов языков, причем ориентация этой типологии была не столько таксономической, сколько

глоттогонической, что объясняется распространением нового исторического подхода к изучению языка. Начиная с Ф. Боппа и В. фон Гумбольдта, лингвисты XIX в. склонны были трактовать выделяемые морфологические типы не как статические состояния истории языков, а как динамические стадии, которые последовательно проходит каждый язык в своем развитии. Гумбольдтовская типология нашла продолжение в трудах А. Шлейхера (критически осмыслившего взгляды В. фон Гумбольдта и А. Шлегеля) и А. Ф. Потта, «корневая» типология Ф. Боппа – в трудах М. Мюллера. Новый аспект в теории формальных языковых типов и типологической классификации языков открыли в середине XIX в. работы Г. Штейнталя, выдвинувшего формально-синтаксические признаки в качестве основы типологизации.

Вопросы типологии занимали заметное место в отечественной лингвистике XIX в. Исследование морфологических типов языков содержится в трудах Ф. Ф. Фортунатова; глубокую теорию синтаксической типологии в историческом плане разработал А. А. Потебня, чья концепция выгодно отличается от штейнталевской типологии своей ориентацией на понятийные категории языка; попытка комплексного определения эргативного типа языка была предпринята Н. К. Усларом; на рубеже веков проблемы типологического изучения языка в сравнении с другими подходами рассматривались И. А. Бодуэном де Куртенэ.

В XX в., после некоторого спада типологических интересов в два первых десятилетия, когда стабилизировались традиционные модели типологии, начинается ее новый расцвет, связанный с именем Э. Сепира, создавшего (1921 г.) принципиально новую модель типологии, базирующуюся на комплексе общих характеристик (виды и способы выражения грамматических понятий, техника соединения морфем, степень сложности грамматических форм). Многоаспектный и многопризнаковый характер этой типологии позволил строить вместо традиционных 3-4 типов более глубокую и дробную таксономию, отражающую политипологизм языков, диатипическое варьирование и наличие языков переходных типов.

Типология Э. Сепира послужила отправной точкой для развития инвентаризационной и импликационной типологии, чему в значительной мере способствовало широкое распространение в Европе и США структурной лингвистики, вводившей в лингвистическую практику новые, более строгие методы единообразного анализа языков и дававшей всестороннее формальное описание языковой структуры. В европейской лингвистике большую роль в развитии типологии сыграл Пражский лингвистический кружок, где зародилась типология языковых подсистем (например, фонологическая типология Н. С. Трубецкого) и характерология (В. Матезиус, В. Скаличка). В середине XX в. продолжается интенсивная разработка формальной типологии – общей и частной (Р. О. Якобсон, Д. Гринберг, А. Мартине и др.), развивается квантитативная типология, созданная Д. Гринбергом (А. Л. Крёбер, С. Сапорта и др.); значительно расширяется круг сопоставляемых фактов благодаря привлечению языков Азии, Африки и Океании. В 60-70-е гг. складывается социологическая типология, главным образом в США (У. Стюарт, Ч. А. Фергюсон и др.) и в СССР (М. М. Гухман, Л. Б. Никольский, Ю. Д. Дешериев, Г. В. Степанов). Если первая половина XX в. в западной лингвистике характеризуется в целом преобладанием формальной типологии, то в нашей стране разработка типологии шла по линии контенсивно-синтаксической и категориальной типологии (И. И. Мещанинов, С. Д. Кацнельсон, А. А. Холодович), и в этой области были достигнуты значительные успехи (особенно в теории синтаксических типов, рассматривавшихся в плане внутренней импликационной структуры и исторической эволюции).

Типологические классификации языков построены на учете ряда признаков, которые реализуются в отдельных языках и группах языков с различной полнотой.

Процедура установления категорий в универсальной грамматике выглядит следующим образом: 1) задается значение исходя из нужд выражения мысли; 2) некоторая совокупность текстов на двух языках, преимущественно переводных и поэтому семантически эквивалентных, рассматривается с точки зрения характера выражения заданного значения; объем и характер текстов

избираются так, чтобы получить исчерпывающие сведения о способах выражения данного значения в каждом из сравниваемых языков; 3) формируется категория как единство значения и множества разнородных форм выражения; 4) устанавливаются эквивалентные способы выражения в обоих языках.

Указанные принципы сопоставительного языкознания сохраняют свою силу и сейчас, однако, в связи с развитием новых областей частного описательного языкознания, сравнение идет дальше, охватывает новый материал. В настоящее время сопоставляются языки в плане фонетики, морфемики, словообразования, лексики, фразеологии и формального, а также семантического синтаксиса. Сопоставительное языкознание описывает, таким образом, все планы и ярусы языка. Соответственно меняется отношение к выведению основания сравнения – универсальных классификационных категорий.

Основания классификации в типологии могут быть различны, что обусловлено разной трактовкой понятия типологии – языкового типа, которое может означать и «тип языка», и «тип в языке». Так, традиционная типологическая классификация, выделяющая аморфные (изолирующие), агглютинативные и флективные языки, отражает стремление выделить типы языков на основе общих принципов строения грамматических форм. С другой стороны, имеется много классификаций, исходящих из отдельных частных характеристик языка, например, наличия – отсутствия в нем тонов, характера вокалических систем, порядка следования основных членов предложения и т.п. Такие классификации ориентированы не на тип языка в целом, а на тип определенных подсистем и категорий в языке; число их может быть велико, один и тот же язык, в зависимости от различных оснований классификации, будет попадать в разные группировки, что создает множественность его таксономических характеристик в типологии, в отличие от единственности его таксономической принадлежности в генеалогической классификации. Наиболее распространены морфологическая и синтаксическая типологические квалификации (по ведущему признаку).

Морфологическая классификация базируется на строении слова, на учете характера морфем и способа их соединения при словообразовании и словоизменении. Примером ее может служить классификация А. Шлегеля – В. фон Гумбольдта, усовершенствованная Г. Штейнталем и особенно Э. Сепиром.

Синтаксические классификации (И. И. Мещанинов и др.) основываются на строении предложения. Учитываются такие общеязыковые отношения, как предикативные, объектные, атрибутивные; по способу выражения этих отношений выделяются подтипы аморфный, синтаксико-морфологический и т.п.

5. Проблемы языковых универсалий.

В современной литературе по типологии языков все больше внимания уделяется обнаружению так называемых лингвистических универсалий, т.е. таких языковых явлений, которые присущи всем без исключения языкам.

Так, всем языкам присуща такая категория, как часть речи, во всяком языке не могут существовать менее 10 и более 80 фонем; если в языке слово всегда односложно, то оно одноморфемно и в языке существует музыкальное ударение; нет языков, в которых не было бы согласных [p], [t], [k].

Средняя глубина слов во всех языках (глубина слова – это количество морфем в нем) составляет 2,5 морфемы на 1 слово.

Типология имеет дело с объединением признаков на том или ином уровне языковой системы в определенные типы. Естественно предположить, что эти типы, представляющие из себя совокупность некоторых признаков, могут встречаться либо во всех, либо в большинстве языков земного шара. Эти признаки приводят к установлению некоторых общих закономерностей, характерных для всех или большинства языков. Эти закономерности и принято называть языковыми универсалиями.

Теория языковых универсалий рассматривает и определяет: 1) общие свойства всех человеческих языков в отличие от языков животных. Например, в человеческом языке канал для любой языковой коммуникации является вокально-слуховым; на языке человека возможно легко порождать и легко воспринимать новые создаваемые сообщения; в языке человека непрерывно возникает

новая идиоматика и т.д. 2) Совокупность содержательных категорий, теми или иными средствами выражающимися в каждом языке. Например, во всех языках выражены отношения между субъектом и предикатом, категории пассесивности, оценки, определенности / неопределенности, множественности, все языки знают членение на тему и рему. 3) Общие свойства самих языковых структур, относящиеся ко всем языковым уровням. Например, если в языке существует сочетание согласных вида «плавный + носовой», то существует сочетание вида «плавный + шумный»; если есть противопоставление согласных по твердости – мягкости, то нет политонии гласных; во всяком языке есть противопоставление компактных – диффузных гласных; отношение количества гласных к количеству согласных в звуковой цепи не может быть больше двух; если в языке слово всегда односложное, то оно одноморфемно и в языке существует музыкальное ударение; если существует флексия, то есть и деривационный элемент; если выражено множественное число, то есть нулевой морф, его выражающий.

Известны и универсалии, относящиеся ко всем языковым уровням: для всякого противопоставления маркированный член имеет более редкую встречаемость, чем немаркированный. Известны универсалии лексико-семантического плана, например, «тяжелый по весу» приобретает значение «трудный»; «горький по вкусу» – значение «горестный, скорбный» и т.д.

Существует несколько классификаций универсалий, строящихся на разных основаниях. Так, различаются следующие универсалии:

1) дедуктивные (т.е. обязательные для всех языков) и индуктивные (явление имеет место во всех известных языках); 2) абсолютные (полные) и статистические (неполные); 3) простые (утверждающие наличие или отсутствие некоторого явления) и сложные (утверждающие определенную зависимость между разными явлениями); 4) синхронические и диахронические.

Теория диахронических универсалий активно развивается с 70-х годов XX в. Признание универсалий в диахронии (например, утверждение, что самое позднее глагольное время в языке –

Futurum) предполагает принятие однонаправленности языкового развития. Концепции этого рода высказывались в отечественном языкознании 30-х годов XX в. (работы И. И. Мещанинова, В. И. Абаева, С. Д. Кацнельсона).

Утверждение о наличии универсалий восходит к античным грамматикам; в средние века (XIII в.) возникает термин grammatica universalis; с появлением грамматики Пор-Рояля это понятие обретает лингвистическую основу. Объектом современной лингвистики языковые универсалии становятся с начала 60-х гг. XX в. (главным образом в нашей стране и США). Накопление материала по различным языковым универсалиям в 60-70-е гг. было стимулировано успехами структурно-системного описания языков, в особенности фонологии, а также расширением границ структурной типологии, знакомством с языками Африки, Юго-Восточной Азии и Океании.

Теория универсалий проделала эволюцию от поисков поверхностных и затем импликативных универсалий, главным образом в синхронии, к поискам диахронических универсалий и к широкому типологическому сопоставлению способов реализации одной и той же содержательной универсалии (последнее характерно для европейской лингвистики). В 80-е гг. наблюдается обращение исследователей к универсалиям текста и порядку компонентов в синтаксических структурах. Эти универсалии находят объяснение в «картине мира», понимаемой через язык (новое семантическое направление, возникшее из анализа «глубинных структур»).

Определяя место универсалий в лингвистических исследованиях, можно выделить, по мнению М. М. Гухман, две задачи, решение которых в той или иной степени связано с универсалиями: 1) построение универсальной модели естественного языка и 2) изучение тех типовых модификаций и вариантов, в которых реализуются многие универсальные категории, признаки и свойства языка. Первая задача относится к общей теории языка, вторая – к сфере типологии. Такие «полные универсалии», как логико-грамматическое членение предложения, или категории агенса и пациенса, или атрибутивность и

принадлежность в равной степени как и противопоставление слоговых и неслоговых фонем и т.д., как бы переходят в другой ключ, если изучается существенная вариантность в их реализации. Переход к типологии обусловлен переключением от рассмотрения, какие признаки являются универсальными, к анализу, как реализуются те элементы и свойства, которым приписывается статус универсалий, так как типология прежде всего занимается качественными различительными характеристиками. Именно в этом случае универсалия выступает как некий обобщенный инвариант, модификации которого могут оказаться типологическими признаками языков.

Большенство морфологических универсалий (45) было определено Дж. Гринбергом. И все же список фонологических и грамматических универсалий не является исчерпывающим.

Достаточно подробная классификация семантических универсалий принадлежит английскому языковеду С. Ульману.

В результате типологических исследований, начиная с работ братьев А. и Ф. Шлегель, В. фон Гумбольдта и А. Шлейхера, были разработаны типологические классификации языков мира. Наибольшее признание получила классификация В. фон Гумбольдта, основой которой служит характер соотношения лексического и грамматического значений слова.

Группируя языки по типам грамматической структуры, следует помнить, что абсолютно типологически стерильных языков нет. В одних языках типологические черты проявляются в большей степени, в другом – в меньшей. Так, в русском языке преобладает интеллектуализм и флективность, в английском и французском – аналитизм и изоляция, в семитских – интрорефлективность, в тюркских – агглютинация, в языках Юго-Восточной Азии – полисинтез.

Результаты, полученные лингвогенетическими методами, корректируются при помощи типологического метода. Если лингвогенетические методы устанавливают факт языковых изменений, то типологический метод позволяет объяснить причины этих изменений. Типологический метод обладает прогнозирующей силой.

V. СТРУКТУРНЫЕ И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ АНАЛИЗА ЯЗЫКА

1. Структурная лингвистика и структурное описание языков.
2. Таксономический метод:
   2.1. Дистрибутивная методика;
   2.2. Трансформационный анализ;
   2.3. Компонентный анализ.
3. Логико-семантическое исчисление и моделирование.
4. Количественные (симптоматические) и вероятностно-статистические приёмы изучения языка и текста.
5. Автоматизация лингвистических работ:
   5.1. Машинный перевод;
   5.2. Корпусная лингвистика.

1. Сравнительно-историческое языкознание с его интересом к конкретным фактам языка, к его субстанциональным, в первую очередь звуковым, характеристикам, к воссозданию «биографии» языковых явлений, с его стремлением установить между ними исторические связи, формулируемые в виде законов, с его вниманием к межъязыковым отношениям и контактам языка с внешней и внутренней (психической) средой народов и, наконец, со всей совокупностью обусловленных этими интересами и задачами методов анализа, индуктивных по преимуществу, было порождением и лингвистической вершиной XIX века.

Структурная лингвистика явилась своего рода антитезой сравнительно-исторического и младограмматического направлений

в языкознании XX столетия. Для структурной лингвистики характерен интерес к синхронному состоянию языка и внутренним связям между образующими его элементами, ревностное отношение к логическим основам построения лингвистической теории, обусловленная этими целями методика анализа языка теснейшим образом связана с идеями первой половины XX века.

Вытекающему из указанных характеристик лингвистическому атомизму XIX века структурная лингвистика противопоставила концепцию системной целостности языка, ставшую в XX веке краеугольным камнем всех школ и направлений языкознания. Задача системного описания требовала расположения фактов языка в одной плоскости, отвлечения от исторической перспективы их развития. Поэтому если в XIX веке понятие научности ассоциировалось прежде всего с понятием историзма и любая научная грамматика составлялась на исторической основе, то в XX веке понятие научности в подходе к языку стало в первую очередь связываться со строго синхронным описанием его системы.

Таким образом, структурная лингвистика – это совокупность воззрений на язык и методов его исследования, в основе которых лежит понимание языка как знаковой системы с четко выделимыми структурными элементами (единицами языка, их классами и пр.) и стремление к строгому (приближающемуся к точным наукам) формальному описанию языка. Свое название структурная лингвистика получила благодаря особому вниманию к структуре языка, которая представляет собой сеть отношений (противопоставлений) между элементами языковой системы, упорядоченных и находящихся в иерархической зависимости в пределах определенных уровней.

Структурное описание языка предполагает такой анализ реального текста, который позволяет выделить обобщенные инвариантные единицы (схемы предложений, морфемы, фонемы) и соотнести их с конкретными речевыми сегментами на основе строгих правил реализации. Эти правила определяют границы варьирования языковых единиц в речи с точки зрения сохранения ими самотождественности, т.е. фиксируют набор допустимых синонимических преобразований единиц языка.

Структурная лингвистика рождалась из поисков более последовательной системы основных понятий языкознания и из стремления разработать столь же строгие методы синхронного описания современных языков, каким был сравнительно-исторический метод для сравнительно-исторического языкознания.

В развитии структурной лингвистики выделяют несколько этапов. Первый этап (примерно 20-е – 50-е гг. XX века) характеризовался повышенным, а в некоторых случаях исключительным вниманием к структуре плана выражения как более доступной строгому описанию, что приводило к забвению содержательной стороны, преувеличению роли отношений между элементами системы и игнорированию самих элементов как языковых сущностей.

С 50-х гг. начинается второй этап развития структурной лингвистики, для которого характерен поворот к изучению плана содержания и к динамическим моделям языка (в частности, развивается трансформационный метод в грамматике). Методы и приемы анализа, разработанные первоначально в фонологии, переносятся в грамматику и семантику. Принципы и методы структурной лингвистики начинают применяться в сравнительно-историческом языкознании (в работах Р. О. Якобсона, А. Мартине, Е. Куриловича, Э. А. Макаева, Т. В. Гамкрелидзе и др.). Вместе с тем, расширение фронта исследований и одновременное применение наряду со структурными методами также иных приемов и методов исследования привело к тому, что структурная лингвистика, углубив наши представления об устройстве языка, разработав аппарат строгого описания его системы, «растворилась» в новых направлениях, вызванных к жизни новыми теоретическими поисками.

С 70-х гг. структурная лингвистика перестает существовать как обособленное направление, противостоящее «традиционному» языкознанию; разработанные структурной лингвистикой методы исследования наряду с другими применяются и в иных лингвистических дисциплинах (психолингвистике, социолингвистике и др.). Структурная лингвистика повлияла на развитие структурных методов исследования в других

гуманитарных науках – литературоведении, искусствознании, этнологии, истории, социологии, психологии.

Две основные идеи стали опорными пунктами структурной лингвистики: 1. Требование постоянного учета языковой функции, выдвинутое уже И. А. Бодуэном де Куртенэ и последовательно проведенное в жизнь лингвистами Пражской школы; 2. Идея описания языка как синхронной системы, на которой с особой решительностью настаивал Ф. де Соссюр. Идея целенаправленности представляет собой то общее, что объединяет все школы структурной лингвистики.

Если говорить в терминах общей семиотики, в составе которой, по традиции, выделяются семантика, синтактика и прагматика, то различие школ структурной лингвистики может быть сформулировано следующим образом: глоссематики ограничивали лингвистическую теорию описанием синтактики (внутренней организации кода), а пражцы охотно вводили в круг своих интересов также семантическую и прагматическую стороны языка (т.е. его отношение к предметам внешнего мира и к участникам и условиям коммуникации).

Принятый структурной лингвистикой семиологический подход к языку определил и ее отношение к самому языковому материалу. Если лингвистика XIX века обращала большое внимание на реализацию языка, то для структурного языкознания текст служит лишь тем источником, из которого должна быть выведена семиологическая система, затемненная условиями и формой ее физического воплощения. Осуществление этой общей задачи поставило структурную лингвистику перед необходимостью «извлечения» языковых единиц из непрерывного языкового потока, определения их функционального (инвариантного) содержания на основе их бесконечно варьирующихся репрезентаций, наконец, выявления иерархической организации языка, скрытой линейной реализацией речи. Эти цели в значительной степени определили те методы, которые получили название структурных.

Таким образом, для структурных методов основополагающую роль сыграло осознание дихотомии языка и речи, актуального и виртуального кода и сообщения, бесконечного варьирования при

сохранении стабильным семиологического (функционального) содержания.

2. Таксономический метод.

Таксономический метод является тоже описательным методом, но на качественно иной его основе. «Таксономия – совокупность принципов и правил классификации лингвистических объектов (языков и языковых единиц, а также сама эта классификация)» (ЛЭС:504).

Основная задача таксономического метода – описание системы языка (языков). Первым примером использования этого метода является древнеиндийская грамматика Панини.

Принципиальное различие описательного и таксономического методов: описательный метод имеет дело с реально наблюдаемыми явлениями, таксономический выявляет и описывает систему языка, которая в непосредственном опыте и наблюдении не дана, а выводится из языкового материала путем сложных умозаключений.

При разграничении метода и методики нужно учитывать критерии универсальности. Метод может использоваться при исследовании любого яруса языка, для методики это необязательно. Например, методика НС (непосредственно составляющих), потому что используется преимущественно в синтаксисе.

Процедурной основой таксономического метода являются структурные методики вычленения лингвистических единиц, обобщение их в классы, классифицирование (установление иерархичных отношений), моделирование и др.

Итак, целью структурного описания должна быть как можно более точная характеристика структурных отношений, которые скрыты за непосредственно наблюдаемыми языковыми данными. Структурное языкознание предложило и обосновало определенную технику анализа. Если оставить в стороне некоторые формализованные процедуры, то наиболее общими приемами, используемыми в разных вариантах и с разными целями, являются: 1. Прием коммутации, или субституции, при помощи которого определяются инвариантные единицы языка, фиксируются релевантные признаки его планов, выявляется функциональная иерархия и т.п.; 2. Прием опущения (трактуемый иногда как

нулевая субституция), также имеющий широкую сферу применения, и обратный ему; 3. Прием интерполяции (или «катализа») отсутствующих элементов. В качестве образцов структурных методик приведем дистрибутивное описание и компонентный анализ.

2.1. Дистрибутивная методика была разработана Л. Блумфилдом в 20-х гг. XX века, а затем развита в 30-50-х гг. в работах З. Харриса. Изложим суть ее вслед за Ю. Д. Апресяном (Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966).

Дистрибутивная лингвистика – это схема процессов, ведущих к открытию грамматики некоторого языка, или экспериментальная техника сбора и первоначальной обработки сырых данных. Таким образом, исследователь выступает в роли дешифровщика, стремящегося раскрыть код. Главная цель дистрибутивного анализа – классификация языковых единиц по их синтаксическим свойствам, т.е. по их распределению относительно друг друга в потоке речи и по их окружению.

Единственной реальностью, с которой лингвист имеет дело, является текст, подлежащий «дешифровке». Все сведения о «коде» (языке), лежащем в основе этого текста, должны быть выведены исключительно из анализа последнего. Но в тексте непосредственно не содержатся данные о значениях слов языка, его грамматике, его истории и генетических связях с другими языками. В тексте даны лишь некоторые элементы (части, отрезки), и для каждого их них мы можем установить распределение или дистрибуцию – сумму всех окружений, в которых он встречается, т.е. сумму всех (различных) позиций элементов относительно других элементов.

Особенности дистрибутивной лингвистики как разновидности структурализма: 1. Представление о лингвистическом описании как наборе независимых от строя того или иного конкретного языка процедур обработки текстов, выполнение которых в определенном порядке должно автоматически привести к открытию грамматики (структуры) данного языка. 2. Различие в языке нескольких уровней: фонологического, морфологического, синтаксического.

Эти уровни образуют иерархию, основанием которой является фонологический уровень, а вершиной – синтаксический. Единицы более высокого уровня строятся из единиц непосредственно предшествующего уровня (морфемы – из последовательности фонем, конструкции – из последовательности морфем или символов классов морфем). Поэтому, приступая к описанию языка, мы должны начать с обнаружения его простейших единиц и переходить ко все более сложным единицам. 3. Представление о единицах языка как классах в некотором смысле дистрибутивно эквивалентных единиц текста (вариантов данной языковой единицы). 4. Требование объективности описания, которая при дешифровочном подходе к языку является залогом и единственной гарантией истинности результатов анализа.

Описать структуру языка исчерпывающим образом – значит установить: 1. Его элементарные единицы на всех уровнях анализа; 2. Классы элементарных единиц; 3. Законы сочетания элементов различных классов. Элементарные единицы – это фонемы и морфемы.

Выделение элементарных единиц языка достигается с помощью экспериментальной техники сегментации текста и дистрибутивного анализа текстовых единиц, обнаруженных в результате сегментации. Классы элементарных единиц строятся на основе экспериментальной техники субституции (замещения), а законы сочетания элементов различных классов устанавливаются с помощью анализа по непосредственно составляющим. Первые три техники могут применяться, по мнению их создателей, для анализа любого аспекта всякого языка, а анализ по непосредственно составляющим (НС) имеет силу только в области морфологии и синтаксиса.

Идея о том, что единицы языка, классы единиц и связи между единицами могут быть определены исключительно через их окружение, т.е. через их отношение к другим единицам того же порядка, и составляет существо дистрибутивного подхода к языку.

Сегментирование текста на элементарные единицы (звуки или фоны на фонологическом уровне и морфы на морфологическом) является лишь первым шагом в процедуре выделения

соответствующих единиц языка – фонем или морфем. Вторым шагом является идентификация – установление того, какие из элементарных текстовых единиц тождественны между собой, т.е. являются вариантами одной и той же единицы языка (аллофонами одной фонемы или алломорфами одной морфемы), а какие различны, т.е. являются представителями разных единиц языка. Для решения этой задачи используется дистрибутивный анализ в собственном смысле слова.

Устанавливаются три типа дистрибуции элементов:

1. Текстовые единицы находятся в дополнительной дистрибуции, если они никогда не встречаются в одинаковых окружениях. Этого условия в большинстве случаев достаточно, чтобы признать ряд звуков вариантами (аллофонами) одной фонемы. Таковы различающиеся степенью закрытости – открытости гласные звуки в словах семь, день (наиболее закрытый вариант, произносимый в позиции после мягкого согласного и перед мягким согласным); сел, дел (более открытый вариант, произносимый после мягкого перед твердым); шерсть, жесть (еще более открытый вариант, произносимый после твердого и перед мягким), шест, жест (наиболее открытый вариант, произносимый после твердого согласного перед твердым);
2. Текстовые единицы находятся в контрастной дистрибуции, если они могут встречаться в одних и тех же окружениях, различая значения. В этом случае они являются представителями разных единиц (фонем или морфем). Таковы начальные согласные в словах том – дом – ком – лом – ром, принадлежащие пяти различным фонемам;
3. Текстовые единицы находятся в свободном чередовании, если они встречаются в одних и тех же окружениях, не различая значений. Например, варианты морфемы творительного падежа -ею и –ей в русском языке (землей – землею).

Во всех задачах лингвистической дешифровки, которые ставятся в достаточно общем виде, изучение дистрибуции элементов, правда с учетом их числовых характеристик и прежде

всего частотности, остается едва ли не единственным средством, ведущим к цели.

В дальнейшем выяснилось, что дистрибутивный анализ противоречив и не решает тех задач, для которых он был предназначен, поэтому общие основания его были уточнены на базе теории множеств, результатом чего явилась теоретико-множественная концепция языка. В дополненном и уточненном виде дистрибутивный анализ применялся для исследования всех уровней языка, включая синтаксис и семантику; в целом он привел к осознанию важности экспериментирования с языковым материалом и усовершенствованию техники лингвистического эксперимента.

2.2. Трансформационный анализ

Основы трансформационного анализа разработаны З. Харрисом, он рассматривал его как развитие дистрибутивной методики и анализа по непосредственно составляющим.

Центральное понятие – «трансформация» и «трансформ».

Трансформация – операция, преобразующая одно высказывание в другое или отношение преобразуемости между двумя высказываниями.

Трансформ – высказывание, полученное в результате трансформации исходного высказывания и связанное с исходным отношением трансформации.

Например: Мать любит дочь > Дочь любима матерью

Как и все структурные методики и приемы, трансформационный анализ базировался на полном игнорировании семантики. Со временем разработчик его Н. Хомский убедился, что полностью устранить семантический критерий из анализа невозможно. Поэтому сформировался вывод: исходное высказывание и его трансформы должны обладать смысловым инвариантом, т.е. соотноситься с одной и той же денотативной ситуацией.

Недостатки трансформационного анализа кроются в недостаточной его объективности: исследователь может быть субъективен при определении пределов допустимых

трансформаций, при установлении критериев их отбора и упорядочения.

Тем не менее, с помощью трансформационной методики достаточно успешно решаются многие задачи структурно-семантического описания языковых явлений.

2.3. Компонентный анализ

Основы компонентного анализа заложил Л. Ельмслев, затем его развивали Б. Потье, А. Греймас и др.

Несмотря на изначальное предназначение структурных методов служить изучению формальных свойств языка, они со временем стали использоваться и для исследования языковой семантики. В результате этого возникла структурная семасиология.

Ее основная методика – компонентный анализ, цель которого – определение семантической структуры двусторонних языковых единиц, хотя семантика и не поддается полной формализации.

Определить семантическую структуру языковой единицы – значит:

а) выделить мельчайшие единицы ее содержания;
б) установить между ними закономерные связи и отношения.

Данная методика применяется к анализу различных единиц языка. Продемонстрируем его на примере компонентного анализа слова (см., например, работы З. Д. Поповой и И. А. Стернина).

Известно, что одна лексема может выражать несколько значений, каждое из которых называется семемой. Одни семемы в своей основе денотативные, т.е. отражают предметы внешнего мира, другие коннотативные, т.е. выражают оценки, эмоции и т.д. (так, например, компоненты хорошо/плохо содержатся в коннотативной части слов прогресс, энергичный, паника, галиматья; эмоциональные семы нравится/не нравится наблюдаем в словах доносчик (презр.), аппетитный; функционально-стилистические семы – в словах местожительство (официально-деловой), егоза (разговорн.); сугубо коннотативные семы в словах кабак (в знач. «грязь, беспорядок»), дичь (в знач. «бескультурье, бессмыслица, абсурд»).

Сема – это наименьший смысловой элемент значения, составная часть семемы и конструктивный компонент. Таким образом, семема – пучок структурно упорядоченных сем.

Прямое номинативное значение слова обозначается Д1 (денотативная первая сема):

Сумка – Д1 – мешок, футляр из ткани, кожи и т.п. для ношения чего-нибудь;

Д2 (производно – номинативное значение) – полость в виде подбрюшного мешка у некоторых животных (кенгуру).

Коннотативные семемы бывают трех типов. К1 (коннотативная первая семема) находится в логически мотивированной связи со своей денотативной семемой). Например, хрустальный (К1) воздух – такой же прозрачный и сверкающий, как хрусталь. К2 (коннотативная вторая семема) утратила логическую связь с денотативными семемами, например, брать на пушку. К3 (коннотативная третья семема) денотативной основы не имеет и наблюдается только в составе идиом (попасть впросак).

Совокупность семем, выражаемых одной лексемой, образует семантему. Семемы, входящие в одну семантему, находятся между собой в иерархических отношениях, исходной является семема Д1.

Рассмотрим семантическую структуру слова журавль.

Д1 – большая болотная птица с длинными ногами и шеей.

Д2 – длинный шест у колодца, используемый как рычаг для подъема воды. Опускается с ведром в колодец и вынимается из него подобно тому, как журавль вынимает ее из воды, поймав лягушку.

К1 – «экий журавль шагает!» – можно сказать о высоком нескладном мужчине.

Лексемы разных языков, которые эквивалентны по семеме Д1, как правило, неэквивалентны по семемам Д2 и К1, тем более по семеме К2. Например, русская лексема хлеб имеет семему Д1 «зерно» и Д2 «растущие хлебные злаки». Эквивалентные ей по семеме Д1 немецкая лексема Brot, английская bread, французская pain таких Д2 не имеют. Зато фр. pain имеет семему Д2 «кусок» (pain de savon – кусок мыла, pain de sucre – голова сахара).

Межъязыковые различия в семантемах отчетливо проявляются при анализе лексической сочетаемости разноязычных лексем, эквивалентных по Д1. Так, прилагательное глубокий по семеме Д1 эквивалентно англ. deep, но deep grass («глубокая трава») – русск. «высокая трава», deep person (глубокий человек) – русск. «скрытный, не показывающий своих чувств человек».

Различия по семемам К1 и К2 проявляются в больших расхождениях разных языков в области фразеологии. Например, чехи сравнивают худую женщину с лапшой, о неинтересном и ненужном деле говорят дословно «это для меня сарделька», о несведущем человеке – «понимает в этом деле как коза в петрушке», пустяковое дело символизируется «грибами»: «это для него грибы», «он грибы из этого делал», т.е. это для него пустяки. Русские лексемы лапша, сарделька, петрушка, грибы таких семем К1 и К2 не имеют. То же касается и их украинских эквивалентов.

Семемы дробятся на семы. Сема понимается как отражение в сознании человека отдельного признака, какой-то детали того объекта, который целиком представлен в семеме. Членение семемы на семы бесконечно, его предел становится лишь мерой познания свойств и качеств денотата. Компонентный анализ показывает, что число сем, существенных для общения, в семеме вполне исчислимо и не очень велико. Оно выясняется из сопоставлений и противопоставлений разных семем друг другу. Сема, которая в одном контексте представляется далее неделимой, в другом контексте проявляет свою сложность и возможности дальнейшего деления. Например, в семеме Д2 слова перемена есть семы «время, отдых, конец урока, звонок, школа, среднее учебное заведение, время занятий в 45 минут, звуковой сигнал начала и конца урока» и т.д.

Семасиологи строят различные классификации сем.

Так, классемы – наиболее обобщённые по содержанию признаки, соответствующие значениям частей речи: предметность, признак и т.п. Архисемы – признаки, объединяющие группы слов внутри части речи, например одушевлённость/неодушевлённость, действие/состояние и т.п.

Дифференциальные семы – это признаки, по которым противопоставляются слова, сгруппированные в одной архисеме, и по которым можно отличить одну семему от другой. Например, для слов равнина, плоскогорье, плато, неизменность, низина архисемой будет «участок земного рельефа с ровной или слабо волнистой поверхностью». Дифференциальные семы, разграничивающие значения этих слов, следующие: «выше 200 м над уровнем моря» (плоскогорье, плато), «ниже 200 м над уровнем моря» (низменность, равнина), «обширный, без видимых границ» (равнина, плоскогорье, низменность), «небольшой с видимыми границами» (плато, низина).

В. Г. Гак делит семы на описательные и относительные. Описательные семы отражают собственные свойства предмета (размер, устройство, форму, внешний вид, способ совершения действия и т.п.), относительные – связи объекта с другими объектами в разных отношениях (пространственные, временные, функциональные и др.). Например, для глаголов перемещения описательные семы характеризуют способ действия: идти – с помощью ног, плыть – по воде, лететь – по воздуху и т.п., относительные семы указывают направление перемещения: удаляться – от исходного пункта, приближаться – к конечному пункту.

Архисемы и дифференциальные семы достаточны для характеристики семемы, по ним содержание семемы определяется вполне удовлетворительно, однако помимо этих основных сем каждая семема может содержать неограниченное количество разнообразных сем, детализирующих всякие частности в соответствии с реальной неисчерпаемостью признаков объекта. Среди этих сем вероятностные, потенциальные, скрытые. Например, в семеме лексемы начальник путём эксперимента выявлены скрытые, вероятностные семы «толстый, злой, нервный», в семеме лексемы профессор – «в очках, старый, строгий, умный», студент – «веселый, общительный» и т.п.

Вероятностные семы шире всего реализуются в именах существительных, поскольку именно в предметах человек открывает, прежде всего, все новые и новые свойства. В словарях

вероятностные семы чаще всего отмечаются словом обычно. Например, лагерь – временная стоянка, обычно под открытым небом, в палатках; голландка – комнатная, обычно кафельная печь.

Семы в составе семемы иерархически упорядочены и находятся в структурных отношениях, определяя категорию слова, родовые и видовые признаки объекта, его главные и второстепенные признаки. Семема предстает как микроструктура сем. Лексико-семантический вариант слова (т.е. лексема + семема) является элементом лексико-семантической подсистемы языка, которая формируется оппозициями семем, возникающими благодаря их сходствам и различиям по составу сем.

3. Логико-семантическое исчисление и моделирование

Логико-математическое моделирование пользуется формальным аппаратом логики, изучающей общие закономерности теории доказательства. Общим является допущение логической правильности инвариантной (моделирующей, генотипной) сущности речемыслительной деятельности, рассмотрение ее как логического устройства, в котором можно выделить простые исходные элементы и непротиворечивый формализованный аппарат логических операций.

Аксиоматическая методика состоит в том, что множество элементов или объектов разбивается на части (подмножества); одна часть рассматривается как исходные положения – аксиомы, которые принимаются без доказательства, остальные положения (теоремы) доказываются логическим путем. Аксиоматический метод опирается на теорию множеств и теорию функций (в математическом значении этого слова).

Формализованная теория понимается как система символов, рассматриваемых в виде последовательности логических терминов, т.е. субъекта и предиката в суждении, субъекта и предикатов в силлогизме. Формальные символы включают: логические символы (∨ и , ∧ - или), символы предикатов (=) и функций (+), переменные (a, b, c). Из них создаются формальные выражения и их конечные последовательности.

Распространение аксиоматической и формализованной методик потребовало использования таких приемов решения

лингвистических задач, как алгоритмизация, графическое исчисление и матричное (табличное) определение истинности функций сложных высказываний.

Применение логико-математических методик и приемов анализа привело к появлению различных видов логико-математического моделирования языка и текста, мысленного эксперимента и гипотетико-дедуктивного способа исследования. Наиболее известными видами логико-математического анализа являются различные модели порождения, синтаксические модели анализа и инвариантный семантический анализ.

Таким образом, логико-математические приемы связаны с переводом семантики естественных языков на семантический язык, который рассматривается как формализованная структура и метаязык. Конкретность семантики единиц реального языка утрачивает свою специфику, сами реальные единицы языка предстают как идеализированные модели, лишенные собственно языковой основы.

4. Количественные (симптоматические) и вероятно-статистические приемы изучения языка и текста.

И. А. Бодуэн де Куртене, набрасывая контуры будущего языкознания, непременным условием его считал тесную связь с математикой: «Нужно чаще применять в языкознании количественное, математическое мышление и таким образом приблизить его все более к наукам точным».

Связь математики с языкознанием началась с попыток установить статистические свойства речи, поскольку языку присущи объективные количественные характеристики. Благодаря вероятностной природе языковой структуры она легко поддается изучению математическим аппаратом теории вероятностей и математической статистики. Основа тому – регулярность языковых явлений. Не случайно Б. Н. Головин подчеркивал: «Язык вероятностен, речь частотна».

XX в. – век победного шествия математики, время проникновения ее во все области человеческого знания, превращения ее в универсальный язык науки.

Если науки естественного цикла сравнительно давно заговорили на языке математики, то гуманитарные науки обратились к нему только в XX в. Первой среди них была лингвистика, занимающая особое, срединное положение среди всех областей человеческого познания.

Основной задачей количественного метода в языкознании является раскрытие закономерностей функционирования единиц языка и речи, а также установление закономерностей построения текста.

Теоретическое обоснование этого метода и создание алгоритмов его практического применения в языкознании – предмет особой отрасли науки о языке, получившей название лингвостатистики.

Количественные и качественные методы должны дополнять друг друга.

В результате успешного применения лингвостатистического метода к исследованию языковых единиц в речи появились частотные словари (их уже более 300 для более 20 языков). Они задали новые стимулы для развития лингвистической типологии.

Полное постижение языка без более специализированного обследования количественной стороны языковых, и в частности грамматических явлений, невозможно. Причина этого заключается в том, что каждое языковое явление, помимо качественной определенности, обладает, по словам В. Г. Адмони, и некоторой «массой», т.е. занимает в кругу других языковых явлений некое пространство и соизмеримо с ними в неких аспектах с разной степенью интенсивности. Представая в самых разных обличиях и в разных соотношениях своих компонентов, «масса» языковых явлений выступает как понятие в высшей степени комплексное и сложное. Но она представляет собой объективный факт и требует применения количественных приемов исследования.

Попытки «измерить» художественную и нехудожественную речь, приложить к ней количественные оценки предпринимаются давно. И даже самые непримиримые противники применения статистики в изучении речи не могут избежать таких явно количественных по своей сути оценок, как «часто», «редко»,

«много», «мало» и т.п. Так, еще М. В. Ломоносов доказательством необходимости унификации флексии прилагательных считал тот факт, что «на е множественное окончание во всех родах употребительнее, нежели я». А. С. Будилович подсчитывал процент употребления букв в церковнославянских текстах, Д. Н. Кудрявский определял, был ли аорист формой живого языка, составив кривую распределения глагольных форм в Лаврентьевской летописи. И таких примеров превеликое множество. Использование количественной методики, когда устанавливается процентное соотношение языковых фактов, В. Г. Адмони предложил называть симптоматической статистикой.

Примером использования лингвистических знаний в математике служит создание математической лингвистики.

Для описания и исследования лингвистических фактов привлекаются разные разделы математики: алгебра, теория множеств, математическая логика, теория информации, теория вероятностей и математическая статистика.

В силу этого математическая лингвистика стала развиваться в нескольких направлениях – алгебраическая лингвистика, комбинаторная лингвистика, которая опирается на разделы «неколичественной» математики (теория множеств, математическая логика, теория алгоритмов), и квантитативная лингвистика, которая изучает лингвистические явления с помощью «количественной» математики (математическая статистика, теория вероятностей, теория информации и др.)

Пока наиболее перспективным представляется исследование сущностных характеристик языка при помощи аппарата теории вероятностей и математической статистики – квантитативная лингвистика.

Математики еще в начале XX века попытались ввести в анализ фактов речи и текста вероятностно-статистическую методику. Так, Н. А. Морозов в работе «Лингвистические спектры» выявил распределение гласных звуков в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина. А. А. Марков, проанализировав его данные, доказал, что выделенные закономерности не являются

статистически достоверными, необходимо определять размеры колебаний частот и относительную ошибку исследования.

Теперь хорошо известно, что развитие и функционирование языка, построение речевых цепей, применение в речи различных языковых единиц и категорий – все это подчиняется не жестким, а вероятностным закономерностям и, следовательно, нужны специальные методики, которые позволяли бы лингвисту, изучающему язык, улавливать пределы действия одной и той же закономерности в развитии или функционировании языка, отграничивать одну закономерность от другой. Качественная специфика статистических совокупностей состоит в том, что в них действует множество разнообразных факторов, существенных и несущественных, систематических и случайных, внутренних и внешних. При этом количество и состав факторов, действующих на каждую единицу совокупности, часто не совпадают (частично или полностью). Поэтому один или несколько случаев не показательны для всей массы в целом, здесь необходимо планомерное изучение достаточно большого количества единиц, чтобы выявить более или менее полный перечень представленных в данной совокупности факторов, установить возможности их комбинирования и взаимодействия и, наконец, определить меру участия каждого фактора.

Оценка достоверности результатов качественно-количественного исследования опирается на целый ряд критериев. Основной – соответствие между качественным анализом и количественными данными, внутренняя логика цифр. Если исследуется конечная совокупность или бесконечная однородная совокупность, то появляется возможность оценить степень достоверности вероятностно-статистическими методами.

При изучении стилей возможно применение двух типов статистики: вероятностной и симптоматической. Симптоматика успешно может быть применена при статистическом описании функциональных стилей, поскольку она выявляет процентные соотношения между различными типами языковых явлений.

Вероятностная статистика помогает установить степень достоверности полученных результатов, величину и количество

выборок для анализа с заданной точностью; при наличии существенных расхождений между стилями возможно определение расстояния между ними; корреляционный анализ может выявить степень взаимозависимости анализируемых элементов. Методы вероятностной статистики помогают избрать объективные критерии для дифференциации различных стилей. Именно использование аппарата вероятностной статистики дает возможность дифференцировать сплошной текст по функциональным стилям на базе какого-либо объективного критерия.

Методика статистического исследования применима не только для изучения языковых стилей, но с успехом может использоваться при исследовании речевых стилей. Б. Н. Головин, много сделавший в этой области, отмечает: «Авторские речевые стили, несомненно, во многом (если не во всем) определяются устойчивыми для каждого автора соотношениями частот разных элементов языка». Изучение речевых стилей позволяет глубже изучить образную систему великих мастеров слова, а также наметить тенденции в формировании и развитии национального литературного языка. Авторские речевые стили являются отдельными по отношению к общему – функциональному стилю языка. При наличии большой выборки текстов различных авторов, работавших приблизительно в одно и то же время, индивидуальные различия отодвигаются на второй план, а на первый выступают особенности функционального стиля. Зная особенности речевых стилей отдельных художников слова, можно определить, как развивается литературный язык, кто оказывает наибольшее воздействие на его формирование и развитие.

Для изучения авторских речевых стилей большое значение имеет корреляционный анализ, который позволяет выявить степень взаимозависимости и взаимосвязи языковых элементов. В этом плане интересны исследования по определению авторства ряда анонимных произведений и целый ряд других.

Широкое использование вероятностно-статистических методов в изучении письменной подсистемы языка в отечественном языкознании началось сравнительно недавно, в

конце 50-х – начале 60-х годов XX в., поэтому аппарат статистического исследования еще далеко не совершенен, громоздок. Значительную роль в разработке статистической методики сыграли работы, выполненные сотрудниками Института языковедения Украины под руководством В. И. Перебейнос, исследования Б. Н. Головина и его последователей, а также целого ряда других ученых.

Практическим результатом статистического изучения лексики являются частотные словари, отличающиеся от обычных лингвистических (толковых, орфографических и др.) тем, что словарные единицы располагаются в них не только в алфавитном порядке, но и в порядке убывающей частотности.

Идея частотных словарей возникла из практической потребности решения ряда вопросов: 1) создание рациональной методики изучения родного и иностранного языков; 2) усовершенствование различных кодовых систем; 3) выявление специфики разных стилей литературных памятников или языка отдельных авторов.

Вслед за частотными списками слов появляются словари, отражающие частоты морфем и грамматических форм.

Частотные словари позволили обнаружить целый ряд количественных закономерностей в лексическом составе языка. Первые 1500 слов частотного словаря для любого языка составляют приблизительно 80% всех словоупотреблений. Причем 12 самых частотных слов – артикли и предлоги – из 2000 слов составляют около 40% всех словоупотреблений. По Г. Йосельсону, в русском языке наречия, предлоги, союзы, частицы составляют 13,9 % всего текста. Сделан общий вывод, что первые 50 слов охватывают грамматический словарь любого языка.

Сфера текстологии. В многолетний спор по поводу авторства романа «Тихий Дон» в свое время включились скандинавские ученые, норвежско-шведский коллектив под руководством Г. Хьетсо. Они взяли тексты, бесспорно принадлежащие М. Шолохову, и тексты донского писателя Ф. Крюкова, которому приписывалось авторство великого романа, и проанализировали их, выявляя особенности писательской манеры каждого.

Ученые сравнили длину предложений, распределения длины предложения по количеству слов, распределение частей речи, сочетание частей речи в начале и конце предложения, частоту применения союзов в начале предложений, лексические спектры, повторяемость словарного запаса по богатству.

Математическая статистика при контрольной выборке на ЭВМ 12000 фраз при 164637 словах представлена в 250 таблицах, формулах и графиках.

Вывод однозначен: «Применение математической статистики позволяет нам исключить возможность того, что роман написан Крюковым, тогда как авторство Шолохова исключить невозможно».

Тот факт, что объем активного лексикона Шекспира составляет от 15 до 24 тыс. слов и что количество новых слов, введенных в язык Шекспиром, превышает 3200 единиц, «свидетельствует в пользу тех, кто считает, что Шекспир – это псевдоним, под которым творил не один человек. У Ф. Бэкона, которому некоторые приписывают авторство пьес и сонетов Шекспира, лексикон составлял 9-10 тыс. слов (у современного англичанина с высшим образованием словарный запас включает 4 тысячи лексем).

5. Автоматизация лингвистических работ

Для современной лингвистики характерно использование специальных технических средств и современной аппаратуры. Это вызвало технический аспект лингвистики, породило инженерное языковедение.

Применение специальной аппаратуры для изучения звуков и интонации того или иного языка получило название экспериментально-фонетического метода. Метод располагает рядом приемов, различающихся аппаратурой, условиями постановки эксперимента или получения результата.

5.1. **Машинный перевод (МП)** является комплексной научной проблемой, требующей решения ряда лингвистических, логико-математических и инженерных задач.

Для осуществления МП вводится программа (алгоритм), словари входного и выходного языков, содержащие разнообразную

информацию. Наиболее распространенная последовательность формальных операций, составляющих анализ и синтез в системе МП: ввод текста и поиск входных словоформ в словаре с сопутствующим морфологическим анализом; перевод идиом; определение основных грамматических (морфологических, синтаксических, а также семантических, лексических) признаков, необходимых для перевода в рамках данной пары языков, по входному тексту; разбор омографии; лексический анализ и перевод (в том числе многозначных слов с учетом контекста); окончательный грамматический анализ с целью доопределения информации, необходимой для синтеза; синтез выходных словоформ, предложений и текста в целом. Анализ может производиться как пофазно, так и для всего текста, с определением в последнем случае анафорических связей.

Первые опыты МП были осуществлены в США в конце 40-х годов XX века с появлением ЭВМ. В нашей стране первый эксперимент по МП был выполнен И. К. Бельской (лингвистическая основа алгоритмов) и Д. Ю. Пановым (программа реализации) в Институте точной механики и вычислительной техники АН СССР (1954 год). Работы по МП ведутся во многих странах мира.

5.2. Магистральное направление современной науки о языке – создание **корпусной лингвистики.** Термин подсказывает, что она основывается на использовании корпуса, т.е. большого объема языкового материала, извлеченного из разнообразных источников и сведенного в компьютеризованную систему (например, Cobuilo/Bank of English включает более 500 млн словоупотреблений). Национальный корпус – это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов в электронной форме. Национальный корпус представляет данный язык на определенном этапе (или этапах) его существования и во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т.п.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) открыт в апреле 2004 г. Он представляет все разнообразие стилей, жанров и вариантов русского языка XIX-XXI вв. По объему и

представительности он стоит вровень с такими национальными корпусами, как британский (BNC) и чешский.

Национальный корпус украинского языка формирует группа специалистов в главе д.ф.н., проф. Н. П. Дарчук.

Национальные корпусы предназначены прежде всего для обеспечения научных исследований лексики и грамматики языка и в меньшей степени его акцентологии, а также для выявления тонких, но непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке на протяжении сравнительно небольших периодов – от одного до двух столетий. Вторая задача корпуса – предоставление всевозможных справок, относящихся к указанным областям (лексика, грамматика, акцентология, история языка и др.). В наши дни аспекты использования корпусов языков становятся все более многообразными.

VI. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕТОД

1. Функционализм и функциональный метод.
2. Функциональное поле, построенное по принципу продуктивности. Синтаксическое поле русского простого предложения.
3. Структура современной русской стилистики в аспекте поля

Функционализм, основным объектом анализа избравший функциональный аспект языка, сложился в Западной Европе в 70-е годы XX века, несколько позднее – в отечественном языкознании, хотя проблемам, разрабатываемым в русле функционализма, в свое время уделили внимание И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба и другие. Несомненным положительным моментом в концепции функционализма, во многом базирующегося на идеях Пражского лингвистического кружка, является продолжение на новой основе исследований, истоки которых коренятся в предыдущих этапах развития лингвистики: осуществляется анализ системных отношений в языке и изучение их реализации в речи. Основной принцип функционализма – телеологический (понимание языка как целенаправленной системы средств выражения).

Отметим, что на Западе в функциональном аспекте исследовались фонетика, фонология, отчасти – лексикология; функциональная грамматика, плодотворно разрабатываемая А. В. Бондарко и его последователями, рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций.

Теоретической базой функционального метода является понимание языка как динамической системы, находящейся в постоянном движении и развитии. Системный характер и

динамичность языка проявляется в процессе его функционирования.

Функционирование (в соответствии с самим термином) – это, с одной стороны, употребление тех или иных единиц, с другой стороны, – реализация различных функций языка, прежде всего семантических. Указанные явления диалектически тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены: всякое высказывание целенаправленно, оно организуется в зависимости от телеологической установки и сфер использования, но реализоваться функции могут только в ходе употребления языка. В процессе функционирования возникают новые явления и отмирают старые – язык развивается и изменяется.

Одним из первых на медленность и постепенность языковых изменений обратил внимание И. А. Бодуэн де Куртенэ: «… незаметное развитие, незаметное влияние медленно, но основательно действующих сил как в языке, так и во всех остальных проявлениях жизни, можно выразить алгебраической формулой $0 \times \infty = m$, то есть, что бесконечно малое изменение, произведенное в один момент, повторившись бесконечное число раз, дает наконец известную определенную перемену» [Бодуэн де Куртене, 1963:67]. Таким образом, всякая инновация возникает в речи отдельных индивидов, затем, многократно повторившись, эта инновация становится одним из возможных вариантов, а потом становится или не становится в результате воздействия различных факторов явлением языка.

Е. С. Кубрякова отмечает: «Языковые изменения служили предметом специальных исследований уже издавна, процессы же варьирования были вовлечены в круг лингвистической проблематики лишь сравнительно недавно… не оставляет, однако, сомнений, что и эта форма проявления языкового динамизма, во многом определяющая конкретные пути эволюции языка, тоже должна получить надлежащее освещение… Это связано в первую очередь именно с тем обстоятельством, что ключ к изучению природы языковых изменений лежит в синхронии: и начальная, и конечная точка изменений в течение некоторого времени сосуществуют».

И. А. Бодуэн де Куртенэ подчеркивал необходимость различать историю и развитие: история является последовательностью явлений однородных, но различных, связанных между собою посредственной, а не непосредственной причинностью. В противоположность этому, развитие – это непрерывная и непрестанная протяженность однородных, но разных явлений, связанных между собою непосредственной причинностью, или же, в следующей степени научного совершенства, развитие – это непрерывная протяженность существенных изменений, а не явлений.

В целом, для языковых систем характерно неустойчивое, или относительное равновесие. Живые языки развиваются постоянно и неравномерно, под воздействием многих различных факторов.

Для реализации идеи постепенности развития необходимо обратиться к «количественности языкового мышления», о котором говорил И. А. Бодуэн де Куртенэ.

Обнаружить спорадически употребленную форму (0 у Бодуэна де Куртенэ), наблюдать ее становление и сосуществование с другими формами (вариантность), перемещение в разряд ядерных – наиболее распространенных и устойчивых – позволяет функциональный метод – поле, построенное по принципу продуктивности.

Такой подход (метод поля) обусловлен тем, что многие явления языка обладают полевой структурой. Однако отметим, что модель поля представляется в разных исследованиях по-разному: у Г. А. Золотовой это, например, сфера, у В. Г. Адмони–веер.

А. В. Бондарко справедливо подчеркивает: «Необходимо различать: а) поле как особый тип системы – группировки связей и взаимодействия языковых элементов в самой языковой действительности, т.е. поле как объективную данность и б) принцип поля, т.е. подход к фактам языка с точки зрения теории поля как отражение этой объективной данности в приемах лингвистического анализа. Между структурой поля в объекте анализа и «полевым подходом» к языковым явлениям существует основное отношение детерминации: структура объекта определяет приемы его исследования». Термин «поле» был впервые введен в

семасиологию. Г. Ипсен предложил термин Bedeutungsfeld, а И. Трир – Begriffsfeld, о синтаксическом поле и паратаксических полях впервые стал писать В. Порциг, но несмотря на многолетнюю историю своего существования в научном обиходе, единого понимания поля у исследователей нет, хотя признается, что сама идея поля, заимствованная у естественных наук, в частности, у физики, плодотворна.

Наиболее известные концепции поля изложены в работах В. Г. Адмони, А. В. Бондарко, Л. Вайсгербера, Е. В. Гулыги, Е. И. Шендельс, Е. А. Золотовой, Л. П. Ивановой, О. А. Лаптевой, А. Г. Сковородникова и др.

Поле, которое строят Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс, носит семантико-грамматический характер, т.е. рассматривается какое-либо грамматическое значение и языковое его оформление. Позднее эта идея получила всестороннее обоснование и развитие в концепции А. В. Бондарко. Под функционально-семантическим полем он понимает «двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне».

Несколько иначе понимается синтаксическое поле в концепции Г. А. Золотовой: «Синтаксическое поле предложения – это система, объединяющая вокруг исходной структуры предложения ее регулярные грамматические и семантические преобразования». Позднее идея получает более конкретное воплощение: «Основные модели предложения по отношению их к семантико-грамматическим модификациям и осложнениям можно представить как центр сферической системы, окруженный концентрическими слоями, постепенно отступающими от центра в ближнюю и дальнюю периферию поля». Эти слои располагаются в следующей последовательности:

1) грамматические модификации,

2) фазисные, модальные, семантико-грамматические модификации,

3) экспрессивные коммуникативные модификации,

4) монопредикативные синонимические вариации,

5) полипредикативные осложнения модели.

Бесспорно, идея интересна, но, к сожалению, она не получила реализации при анализе большого фактического материала.

Последовательно на широком материале применила метод поля О. А. Лаптева при описании типизированных конструкций устно-разговорного синтаксиса: «Это поле…устроено согласно принципу волн, с перемежающимися и переливающимися одна в другую зонами сгущения и разрежения характерных черт моделей. Такое устройство позволяет полю быть непрерывным, диффузным, не иметь четких и резких границ между зонами, представляющими отдельные модели. Эти зоны, являющиеся центрами сгущения специфических характеристик моделей, постепенно переходят в периферийные области, где напряжение сгущения специфических свойств ослабевает, уступая место меньшей структурной определенности. Располагаясь между центрами, эти периферийные области создают текучесть поля, при которой модели с разными характеристиками постепенно, без резких перепадов переходят одна в другую. Диффузность структурных характеристик, представленных в периферийных областях, весьма удобна при спонтанной речевой деятельности и позволяет этим областям одновременно являться производными от разных моделей. Таким образом получается формальное смыкание моделей в периферийных областях материально в одних и тех же реализациях. Тем самым периферийные, переходные, в структурном отношении слабо оформленные области приобретают первоочередную роль в формировании поля устно-разговорного литературного синтаксиса».

А. П. Сковородников в своей докторской диссертации следующим образом обобщает наиболее существенные положения теории поля.

1. Выделение поля как особой структурной единицы (грамматической или – шире – языковой системы) детерминировано фактом особой соотнесенности и связанности внепарадигматических единиц с парадигматическими системами.

2. Подобно парадигме, поле рассматривается как определенное построение, схема, моделирующая отношения и связи, реально существующие в языковой структуре.

3. Поле рассматривается как способ существования и группировки лингвистических элементов, обладающих общими (инвариантными) свойствами.

4. В лингвистическом объекте, которому присуща полевая структура, выделяется центр (ядро), к которому относятся явления, обладающие всеми теми разноаспектными признаками, которые свойственны данной категории как таковой (комплектными признаками), и периферия, к которой относятся явления, обладающие лишь некоторыми некомплектными признаками.

5. Хотя перечисляя существенные признаки поля, исследователи обычно указывают на то, что поле – неодноуровневое понятие, то есть что эта структура с набором средств разных уровней, нет оснований отрицать возможность полевых структур внутри одного из уровней, в частности – синтаксического.

2. Обратимся к функциональному синтаксическому полю Л. П. Ивановой.

Для анализа формальных и семантических языковых структур оптимальной, на наш взгляд, является модель поля атома, предложенная Резерфордом и принятая современной физикой, то есть выделяются ядро и орбиты, на которых размещаются по степени ослабления связи с ним элементы. Для нас ядро – компонент структуры, обладающий наивысшей частотностью, т.е. наиболее широко используемый, его варианты располагаются в околоядерной части и на периферии поля. Как известно, Резерфорд выделяет в атоме ядро и электроны, расположенные вокруг него. Электроны с большим зарядом находятся ближе к ядру, с меньшим – дальше; электроны на периферийной, самой дальней орбите, могут вообще оторваться от своего ядра и присоединиться к другому.

Естественно, что механическое перенесение моделей материального мира в сферу языка некорректно, однако наблюдения показывают, что структура различных языковых

объектов, в частности простое предложение, имеет целый ряд сходств со структурой атома. Наиболее периферийные модификации языковой единицы могут утратиться или оторваться от ядра и начать либо самостоятельное существование в виде нового типа, либо в качестве эквивалента языковой единицы; между полями существуют обширные переходные зоны, которые не всегда поддаются однозначной квалификации.

Так, например, тип структурной схемы простого предложения (ССПП) и семантической структуры предложения (ССЦ) – это явления системы языка. На уровне нормы мы наблюдаем конкретные реализации различных возможностей выражения элементов структурной и семантической схемы простого предложения, т.е. варианты. Пределы вариативности ограничены, так как тип структурной и семантической схемы простого предложения должен сохраняться в целости, а не накладываться на другие, хотя пересечения, переходные зоны, естественно, возникают.

Проблемам переходности в синтаксисе простого предложения и других языковых структур посвящен целый ряд работ В. В. Бабайцевой и ее последователей. Переходность в рамках данной концепции рассматривается как универсальное свойство языка, которое, отражая системную взаимосвязь и взаимодействие между языковыми фактами, скрепляет их в целостную систему. Одним из проявлений переходности является синкретизм.

Пределы вариативности элементов структурной схемы простого предложения обусловлены возможностями парадигмы той части речи, которой этот элемент выражен. Так, например, присвязочная часть структурной схемы простого предложения N-сор N выражена именем существительным; на уровне норм мы наблюдаем, что чаще всего присвязочная часть выражается именительным и творительным предикативными; опираясь на возможности системы языка, можем предположить, что вероятно выражение и родительным, и винительным, и другими падежами. Обследование большого корпуса текстов показывает, что эти варианты действительно встречаются, но очень редко.

В структуре синтаксического поля выделяем ядро, околоядерную часть и периферию. Ядром поля считаем наиболее высокочастотный вариант выражения компонентов структурной схемы простого предложения или семантической структуры предложения (такой подход В. Г. Гак считает функциональным), так как в силу наиболее широкого использования он наиболее специализированно выражает значение данного типа анализируемого языкового явления. Околоядерную часть составляют 2-3 варианта, обладающие наибольшей частотностью. Собственно периферию составляют наименее частотные варианты. Околоядерная часть и периферия поля «многослойны»: ближе к ядру располагаются наиболее характерные для данного типа структурной схемы простого предложения или семантической структуры предложения, т.е. наиболее высокочастотные варианты, далее модификации следуют по степени убывания частотности. Наименее частотные варианты, наиболее отдаленные от ядра, имеют с ним настолько слабую связь, что могут выйти за пределы варьирования и вообще оторваться от данного типа структурной схемы простого предложения или семантической структуры предложения, образуя либо новый тип анализируемых структур, либо эквивалент предложения. Так, например, в структурной схеме простого предложения N_{N1}, вероятно, выражения типа Добрый день стояли в одном ряду с предложениями типа Хорошая погода – экзистенциально-оценочными. Затем предложение Добрый день стало утрачивать признаки экзистенциальности и переместилось на периферию поля, а затем оторвалось от него, образовав эквивалент предложения – лексикализованное речение.

Таким образом, предлагаемая модель поля обладает прогнозирующими и объяснительными свойствами. Она позволяет выявить значимость анализируемых категорий в системе языка. При построении модели необходимы статистические интерпретации, так как на нее воздействуют различные факторы.

С другой стороны, кардинальные сдвиги в синтаксисе (появление новых синтаксических структур, утрата старых) могут не проявиться даже на протяжении нескольких веков, в то время как явления, наблюдавшиеся в языке лишь спорадически, со

временем могут стать типическими, т.е. накопление количественных признаков дает качественные сдвиги. А. С. Мельничук утверждает, что историческое развитие структуры предложения в славянских языках проходит в виде изменений функциональных соотношений между имеющимися компонентами структуры, развития новых структурных компонентов предложения и отмирания некоторых старых компонентов. Поэтому положение того или иного компонента простого предложения в структуре синтаксического поля значимо.

Синтаксическое поле может быть моноцентрическим и полицентрическим в зависимости от количества компонентов предикативного центра. Так, синтаксическое поле N_{N1} является моноцентрическим, а N – Vf содержит два ядра – ядро подлежащего и ядро сказуемого.

Предложенное понимание синтаксического поля значительно уже синтаксических полей А. В. Бондарко и Г. А. Золотовой, однако, во-первых, мы задались целью построить именно синтаксическое поле, во-вторых, такое поле может войти в состав всеобъемлющего поля простого предложения, включающего его коммуникативные, референциальные и другие характеристики. По всей вероятности, такое поле будет иметь форму сферы.

Сопоставление синтаксических полей структурных схем простого предложения и анализ их структуры позволит выявить нереализованные возможности – пути для развития новых типов структурных схем простого предложения и их вариантов, «ослабленные» звенья, создающие почву для появления эквивалентов предложения. Сравнение полей позволит судить о степени развитости того или иного типа структурной схемы простого предложения. Изучение развития – это по сути дела сопоставление реализованных возможностей с потенциями, заложенными в системе языка. Нереализованные возможности, заложенные в системе языка, открывают пути для дальнейшего развития данного типа структурной схемы простого предложения. Мы не можем с достаточным основанием прогнозировать направление развития системы структурных схем простого предложения и ее отдельных звеньев, отметим, что в этом процессе

взаимодействуют как внутренние, так и внешние факторы. Попытка выявления процессов развития языковых структур без обращения к памятникам письменности ряда веков может выглядеть научно некорректно. Однако, во-первых, синтаксическая наука уже располагает работами, основанными на принципе «синхронного генетизма» (см. труды В. С. Юрченко), во-вторых, получаемые в ходе функционального анализа наблюдения носят характер гипотезы, эксперимента (без этого никакая наука невозможна), и нельзя претендовать на их абсолютизацию, в-третьих, полученные данные следует соотнести с фактами достоверно описанной истории синтаксиса.

Предложенное понимание поля позволяет рассмотреть его как континуум: различные типы структурных схем простого предложения и семантических структур предложения образуют маргинальные зоны, играющие особую роль в понимании системности языка.

С другой стороны, выявление сложных структур как переходного звена в системе синтаксиса позволяет гипотетические соединить систему простого и сложного предложения, а эквиваленты предложений – переходный момент между простым предложением и словосочетанием. Таким образом, возможно объединение синтаксиса в единую систему.

3. Не всякий лингвистический объект поддается исчислению. В таком случае функциональное поле строится по принципу воплощения основных признаков данного явления. Рассмотрим с этих позиций структуру современной стилистки.

Внутри современной стилистики принято выделять следующие направления: стилистика ресурсов, функциональная стилистика, наука о стилях художественной литературы, включающая стилистику индивидуальной речи, или стиля писателя и отдельного художественного произведения, практическая стилистика. М. Н. Кожина выделяет еще сопоставительную стилистику и стилистику текста.

Известно, что стилистика как наука формировалась прежде всего как стилистика ресурсов, функциональная стилистика возникла в недрах последней и заняла в современном языкознании

ведущее место. Поэтому, с позиций современной стилистики, ядро ее составляет функциональная стилистика, поскольку она, опираясь на языковые категории, обладает собственным предметом, методом и единицами анализа.

Как указывалось, околоядерная часть включает в себя направления, производные от функциональной стилистики или с ней непосредственно связанные. К последним относим сопоставительную стилистику.

В ближней периферии поля располагаются направления, в своей основе стилистические, но использующие в большой мере категории других областей лингвистики. Прежде всего, это стилистика ресурсов, так как она теснейшим образом связана с фонетикой, лексикологией и грамматикой. Во-вторых, это наука о стилях художественной литературы со стилистикой индивидуальной речи, поскольку данное направление граничит с литературоведением и прагматикой. В-третьих, это стилистика текста, производная от всех перечисленных отраслей стилистики.

Маргинальными периферийными зонами, являющимися общими с другими отраслями лингвистики, можно считать, во-первых, области, граничащие с целым рядом направлений функционализма. Поскольку последний переживает период становления и развития, многие его категории, да и сам предмет, еще не утвердились окончательно и бесспорно. В интересующем нас аспекте ясно следующее: в процессе функционирования язык подвергается воздействию целого ряда факторов, в том числе и стилистических. Так, например, на употребление системы простого предложения влияют в ряду других следующие факторы: функциональный стиль, тип речи (монолог, диалог и полилог), авторская индивидуальность, адресат речи.

В дальней периферии поля стилистики расположена риторика. Отметим, что генетически риторика – основа современной стилистики. Она зародилась в Древней Греции и в Древнем Риме. В России эту теорию и практику оригинально осмыслил и развил на материале отечественной словесности М. В. Ломоносов. Риторика в нашей отечественной науке долгие годы находилась на периферии, интерес к ней активизировался в последние годы в связи с

процессами, происходящими в жизни общества. Тем не менее эта отрасль знания стремится оторваться от стилистики и перейти в иную сферу – сферу искусства, однако связь ее со стилистикой не может быть утрачена. В дальней же периферии поля стилистики располагается практическая стилистика, стремящаяся преобразоваться в культуру речи.

Предложенная структура стилистики не является застывшей и неизменной. Динамизм ее проявляется в том, что, с одной стороны, она может включать любые новые направление, а с другой стороны, расположение стилистических направлений в структуре поля может меняться. Во-первых, как уже указывалось, предложенная структура поля отражает современное состояние стилистики. Еще в 20-е – 30-е годы XX века ядром стилистики была стилистика ресурсов, а в XVIII веке – риторика. Во-вторых, различные стилистические направления могли меняться местами в структуре поля. Так, в последние годы заметно активизируется стилистика текста. Если в период своего становления и развития данная отрасль была тесно связана со стилистикой художественной литературы и отпочковалась от последней, то сейчас стилистика текста приобретает собственные методы и категории, расширяет свой предмет за счет научного и других стилей, хотя в ней еще много спорного и недостаточно изученного. Поэтому возможно перемещение стилистики текста ближе к ядру.

Таким образом, рассмотрение стилистики в аспекте поля позволяет представить ее как динамическую систему, находящуюся, с одной стороны, в постоянном движении и развитии, с другой стороны, связанную с другими отраслями лингвистики.

Рассмотрению в аспекте поля можно подвергнуть семантическую структуру слова и другие лингвистические объекты.

Подводя итог обоснования функционального метода, дадим дефиницию. Существует несколько определений данной категории.

Так, характеристики О. С. Ахмановой и А. М. Кузнецова ориентированы главным образом на лексику и семантику. Самая крупная по теории поля монография Г. С. Щура определения поля

не содержит. Критикуя Г. С. Щура за это, А. Ф. Лосев, тем не менее, определения поля тоже не приводит, но указывает на его основные характеристики: «Сущность поля потому поддается определению с большим трудом, что это поле немыслимо без очень острой и напряженной диалектики… Континуальное поле, конечно, есть некоторого рода раздельность, потому что для передвижения необходим переход от какой-нибудь одной точки к другой. А с другой стороны, всякому ясно, что континуальное поле, конечно, есть сплошность и непрерывность, т.е. полное слияние всех его точек в один, единый и нераздельный, поток» (ср. «поле» О. А. Лаптевой, построенное по принципу сгущения и разрежения признаков).

В строгой и логичной теории А. В. Бондарко настораживает то, что система языка представлена в виде отдельных, не связанных друг с другом полей – темпоральности, аспектуальности и т.п.

Для нас функциональное поле – способ организации системы вариантов, группирующихся вокруг ядра по принципу продуктивности или степени воплощения основных функций и признаков данного явления. По мере отдаления от ядра связь с ним ослабевает и образуется либо новая единица, либо осуществляется переход к другому полю.

В зависимости от объекта анализа данное определение конкретизируется. Так, синтаксическое поле простого предложения – способ организации моно- или полицентрической системы вариантов выражения компонентов предикативного центра, основанный на принципе продуктивности. По отношению к построению системы современной стилистики принцип иной – степень воплощения основных признаков и функций.

VII. МЕТОДИКИ АНАЛИЗА КОНЦЕПТА

В предыдущих разделах были рассмотрены основные лингвистические методы исследования в тесной соотнесенности с научным направлением, то есть наличие собстенного разрабортанного метода – один из главных критериев констатации направления языкознания, однако в наше время возникли и продолжают возникать все новые и новые направления, не всегда четко разграничивающие свои объект, предмет, задачи, методы. Такой точкой пересечения когнитивной лингвистики и лингвокультурологии стал концепт.

Один из основоположников лингвокультурологического осмысления концептов Ю. С. Степанов подчеркивает: «…с самого начала следует допускать, что … метод изучения [концептов – Л.И.] окажется не один, а совокупностью нескольких различных методов (или, можно сказать, «методик»)». В данном разделе мы представим две основные методики анализа концепта – как единиц лингвокультурологического и лингвокогнитивного анализа.

Обратимся к лингвокультурологии.

Ю. С. Степанов утверждает: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее».

По мнению ученого: «…в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.». Следовательно, можно выделить «…три компонента, три «слоя» концепта: (1) основной актуальный признак; (2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже актуальными,

«историческими»; (3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечетленную во внешней словесной форме».

«В основном признаке, в актуальном, «активном» слое концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средством их взаимопонимания и общения».

В дополнительных, «пассивных», признаках своего содержания концепт актуален лишь для некоторых социальных групп.

Внутренняя форма, или этимологический признак, или этимология открывается лишь исследователям и исследователями. Следовательно, анализ концепта – это описание каждого из указанных слоев.

Обратим внимание на то, что ученые, занимающиеся изучением конкретных концептов, часто «дополнительные» признаки толкуют по-своему, в соответствии с анализируемым материалом, далеко не во всех исследованиях должное внимание уделяется этимологии. Наши наблюдения показывают, что этимология, тесно связанная с внутренней формой слова, является краеугольным камнем обеих предлагаемых нами методик анализа концепта – лингвокультурологической и когнитивной.[1]

В качестве примера рассмотрим с позиции этимологии концептуализацию эмоции гнева в русском языке.

Во главе синонимического ряда с эмоцией гнев стоит глагол *сердиться*, восходящий к существительному *сердце* (общеславянский корень serd, индоевропейское kerd). По представлению древних, сердце – центр любви и дружбы, но также вместилище гнева, ярости. Отсюда изначальное значение *сьрдь* – гнев, позже – сердце, а прилагательное *сьрдитый* – гневный, злой.

Со временем концептуализация гнева изменилась: он изобласти сердца переместился в голову, что отразилось в языке (*гнев ударил в голову*), однако старое значение сохранилось в

---

[1] Опираемся на данные, приведенные в статье: Чернишова Л. В. Русская концептуализация эмоции гнева (на материале синонимического ряда с доминантой *сердиться*) // Национально-культурный компонент в тексте и языке : сб. науч. ст. редкол. : О. А. Полетаева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2020. – С. 109-114.

устаревших фразеологизмах (де*ржать на сердце* (на кого-либо) – сердиться, таить злобу. В современном русском языковом сознании сердце неизменно соотносится с добром и любовью.

По данным М. Фасмера, гнев – общеславянское слово, образованное от той же основы, что и *гнить*. Лексемы *злой, злиться* свидетельствуют, что *гнев* связан со *злоти* (по М. Фасмеру – 'черствый, бесчеловечный, надоедливый, наглый, грубый, фальшивый'). Они восходят к православному * zъlъ – плохой.

Установлено, что слово заимствовано из старословянского, где *зло* – беда, грех. В современном употреблении рассматриваемая эмоция коррелирует с представителями зла: *сатанеть* (сатана), *беситься, бесноваться* (бес), *злой как черт* (черт), *злая как змея* (змея).

Для описания состояния гнева часто употребляются выражения со значением «утратить рассудок», что *эксплицировано* в многочисленных разговорных и жаргонных выражениях: *не помнить себя* (от гнева), *срываться с тормозов* и т.п.

Языковой материал позволяет представить образ гневающегося человека. Его отличают: взгляд (*смотреть косо*), нахмуренные брови (*хмуриться*), цвет лица (*побагроветь, побелеть от злости*), издаваемые звуки (*шипеть, фыркать*). Он выходит за рамки общепринятых правил поведения: *необузданный, несдержанный, неистовый* (от истовый «настоящий, истинный»), *встать с левой (не с той) ноги*).

Таким образом, внутренняя форма концепта *гнев*, заложенная в этимологии синонимов, содержит отрицательную характеристику эмоции и следующие компоненты (в порядке нарастания интенсивности): возбуждение, беспокойство, досада, раздражительность, негодование, злоба, ярость, бешенство, безумие.

Состояние гнева предполагает выход из себя, из тела: *выйти из себя, быть вне себя, выходить из терпения, приходить в бешенство, приходить в ярость*. В выражении *быть не в духе* проявляется та же сема – «быть не в себе».

Таким образом, современная русская концептуализация злости, гнева отличается от первоначальной.

«Основной» и «дополнительные» признаки концепта трактуются в разных исследованиях по-разному, с опорой на различный языковой материал.

Например, выделяют в структуре концепта три составляющих:

А) понятийную, фиксируемую, как правило, в толковых словарях; она позволяет выявить понятийный объем исследуемой единицы;

Б) образную, возникающую в результате метафорического осмысления предмета, поскольку в сознании представителя определенной культуры сочетаются перцептивные и образные признаки;

В) ценностную, определяющую статус языковой единицы как концепта, его смыслосодержательную сторону.

В последние годы появилось довольно много исследований, посвященных ономастическим концептам, в частности – топонимическим.

Топонимический концепт – наименование определенной страны, включающее огромный пласт значений, реалий, связанных со страной, название которой и составляет имя концепта.

Как правило, анализ начинается со статьи в энциклопедическом словаре, затем топонимический словарь. В результате вычленяются такие элементы концепта:

А) исторические наименования страны и важных исторических событий;

Б) наименования основных городов;

В) наименования денежных единиц;

Г) имена исторических, политических и культурных деятелей.

Важный компонент исследования топонимического концепта – анкетирование, репрезентирующее представления какого-либо народа о составляющих концепта. В качестве последних обычно выделяются следующие: 1) столица и крупные или известные города страны; 2) названия денежных единиц; 3) национальная одежда; 4) традиции; 5) названия блюд национальной кухни; 6) персоналии, сыгравшие важную роль в истории страны.

Интересные данные представляет Национальный корпус русского языка. Так, например, в нем было найдено

608 документов, в которых зафиксировано 1356 употреблений лингвоконцепта Вьетнам.[1]

В художественных текстах «Вьетнам» зафиксирован в 77 документах, 148 вхождений; в публицистике 946 употреблений (441 документ), наиболее часто он употребляется в газетных текстах (1899 документов, 3140 вхождений).

У концепта «Вьетнам» автор выделил следующие слоты: война, экономика, политика, быт, культура. В современном мультикультурном мире особый интерес представляет сопоставительный анализ концептов. Продемонстрируем его на материале концепта «Родина» в системе ценностей белорусской, китайской и русской молодежи.[2]

Материалом исследования послужило, во-первых, анкетирование (электронное и бумажное), во-вторых, данные энциклопедическихи толковых словарей, в-третьих, художественные тексты, которые, по мнению информантов, наиболее актуально репрезентируют рассматриваемый концепт, а также песни (китайские студенты выбирали, прежде всего, «Государственный гимн» Китая).

Результаты проведенного анкетирования показали, что у китайской молодежи преобладало, прежде всего, могущество страны (30 % ассоциаций), 25 % указали слово мама. Если говорить о проявлении чувств, которые вызывает у китайских респондентов родина, то в равной степени были упомянуты красота (13 %) и безопасность (13 %). Китайская молодежь считает, что государство является сильной независимой системой. Патриотизм и любовь к дому – два разных понятия. Родина является основой для развития личности, именно Родина обеспечивает стабильную и благоприятную среду для развития молодежи.

---

[1] Опираемся на данные статьи: Нгуен Май Фионг. Образ Вьетнама в современной русской лингвокультуре // Мовна особистість: лінгвістика і лінгводидактика. – Київ-Черкаси : Вид-во ФОП Гордієнко Є.І., 2020. – С. 397-401.

[2] Статья: Храмченко Т. А., Син Чжао. Содержание концепта «Родина» в системе ценностей белорусской и китайской молодежи // Национально-культурный компонент в тексте и языке : сб. науч. ст. – Минск : МГЛУ, 2020. – С. 94-100.

Говоря о восприятии родины, белорусы чаще всего называли дом, семью, маму, друзей и детство (23 %). Многие упоминали живую природу страны: аистов, зубров, леса и озера, березы и Беловежскую пущу (22 %). Среди чувств у белорусов преобладали спокойствие, красота и любовь (9%). Реже выбирали историю, язык, государство, флаг и народ (4%).

Патриотизм у русских информантов в отношении Родины проявляется в необходимости ее любить, охранять, беречь. Родина – это то, что нуждается в защите любой ценой. У китайцев, помимо любви, процветания, национальной гордости, богатых ресурсов, величия и мощи, достоинства, богатого культурного наследия, прослеживается отличное от русских толкование: Родина – это то, что защищает человека. То есть для русских информантов Родина – это то, что необходимо защищать, для китайцев, наоборот, – Родина защищает.[1]

Как мы неоднократно указывали, в современной лингвистике наблюдается активное становление и развитие новых направлений, в частности, этот процесс отражается на нечетком размежевании единиц и методов анализа.

Мы рассмотрели методики анализа лингвокультурологического концепта. Прежде чем перейти к методике лингвокогнитивной, остановимся на оригинальной методике, объединившей два вышеуказанных направления, – фреймовый анализ.

В рамках сопоставительного исследования сравниваются фреймы «Вооруженное противостояние» в трех разноструктурных языках и культурах – русской, английской и итальянской.[2]

Автор детально анализирует категорию «концепт», методы его анализа, предпочтение отдает фрейму, традиционно рассматриваемому в рамках когнитивной семантики. Вслед за М. Минским, фрейм понимается как «пакет» информации, знаний

---

[1] См.: Черноусова А. С. Восприятие слова «Родина» в русской и китайской лингвокультурах / Рос. и зарубеж. филология. Вестн. Перм. ун-та. – 2017. – № 3.

[2] Карпенко-Иванова У. А. Фрейм «Воруженное противостояние» в русской, английской и итальянской культурно-языковой тирадиции. – К. : Изд. Дом Дмитрия Бураго, 2006. – 232 с.

о стереотипной ситуации. Формально фрейм – двухуровневая структура узлов и отношений:

1) вершинные узлы, содержащие всю информацию, всегда справедливую для рассматриваемой ситуации; 2) терминальные узлы, или слоты, заполняемые данными из конкретной практической ситуации, они часто представляются как подфреймы, или вложенные фреймы.

При проецировании фреймовой структуры на концепт первый уровень – словарные значения слова, обозначающего анализируемый концепт.

Второй уровень репрезентируется авторской речью из произведений, содержащих подвергнутые анализу концепты. Материалом для исследования послужили поэтические произведения А. С. Пушкина, Дж. Г. Байрона, А. Мандзони, посвященные военным действиям и событиям. Так, фрейм «Вооруженное противостояние» в русской культурно-языковой традиции имеет следующее строение:

I. Имя действия.

Концепты «Война», «Бой», «Битва», «Брань», «Поединок», «Сражение», «Набег», «Пир».

II. Актант-субъект.

Концепты «Воин», «Герой», «Молодец», «Товарищ», «Брат», «Сын».

III. Актант-объект.

Концепт «Враг» (А. Враг побеждающий. Б. Качество врага. В. Враг побежденный).

IV. Мотив.

Концепт «Месть».

V. Свойства актанта.

Концепты «Отвага», «Смелость», «Удаль».

Фрейм «Вооруженной противостояние» в свете русских переводов английского эквивалента (на материале поэтической речи Дж. Г. Байрона) представлен несколько иначе.

I. Имя действия. Концепт «Битва» / «Battle» (Замечания о «Battle» / «Битва»; концепт «Feast» / «Пир».

II. Актант-субъект.

III. Актант-объект. Концепт «Foe» / «Враг».

IV. Мотив. Концепт «Vengeance» / «Месть».

V. Свойства актанта.

Отдельный раздел посвящен выяснению специфики русского фрейма «Вооруженное противостояние» на фоне итальянской культурно-языковой традиции (на материале поэтической речи А. Мандзони):

I. Имя действия. Концепт «Guerra» / «Война».

II. Актант-субъект. Концепт «Vincitor» / «Победитель»

III. Актант-объект.

IV. Мотив. Концепт «Vendetta» / «Месть».

V. Свойства актанта.

VI. Посессивы актанта.

VII. Каузатор.

Отсутствие полного совпадения в структурах фреймов обьясняется особенностями проанаизированного материала: поэты абсолютно оригинально воспринимают события и отражают их в своем творчестве.

Анализ культурных концептов в системе фрейма «Вооруженное противостояние» в русской культуре, а также в зеркале инокультурных традиций позволили выявить типичные и национально специфические концепты русской культуры.

В ядерной позиции Имя действия фрейма «Вооруженое противостояние» содержатся: типический концепт «Война», актуализирующийся в культурах разных народов, концепты «Бой», «Битва», «Пир», имеющие место в разных культурах, несущие в своем составе специфически русский культурный слой, а также специфические для русской культуры концепты «Сражение», «Поединок», «Набег».

В наполнении периферии изучаемого фрейма специфическими для русской культуры являются концепты «Молодец», «Брат», «Сын», «Удаль», «Отвага».

Типичными для европейской цивилизации представляются концепты «Воин» (позиция Актант-субъект), «Враг» (Актант-объект), «Родина», «Свобода», «Мир», «Победа», «Слава», «Месть» (Мотив), «Смелость» (Свойства актанта) – это фреймообразующие

концепты. Они объективируют обязательные «элементы» любого «противостояния».

Таким образом, фреймовый подход приводит к единообразию и может быть применен к любому материалу, к анализу всякой ситуации общения, а полученные организованные фреймовой структурой результаты сопоставимы с результатами анализа любого другого фрейма путем наложения фреймовых структур и их концептного наполнения.

Согласимся с автором приводимого исследования в том, что позиции Имя действия, Актант-субъект, Актант-объект, Мотив, Свойства актантов проявляются в любом фрейме человеческого поведения. Практически всегда присутствуют те, кто участвует в ситуации, то, что они при этом ощущают, и сама ситуация.

Перейдем к когнитивному анализу концепта. Сразу оговоримся, что ментальность, менталитет и культуру народа разорвать невозможно, они тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, поэтому делаем акценты на подходах к методике анализа – лингвокультурологическом и лингвокогнитивном. Тем более, как утверждает Ю. С. Степанов, количество концептов невелико – четыре-пять десятков, однако в последние годы появилось столько исследований концептов, что их количество перевалило за сотню. С другой стороны, далеко не все, что анализируется как концепт, таковым является.

Первым шагом в лингвокогнитивноим анализе также предстает этимология. Далее, поскольку «… значение слова есть совокупность его употреблений» (Степанов), обращаемся к современным толковым словарям. В них значения выстраиваются в определенной последовательности. Сравнение данных разных словарей позволит выявить ядро концепта (первое значение во всех словарных статьях), околоядерную часть и переферию. По сути дела это использование функционального метода поля, описанного в предыдущем разделе.

Проанализируем концепт «Подвиг» в современном русском языковом сознании. Этимологи отмечают:[1]

Подвиг. Заимств. из ст.-сл. яз. Образовано с помощью темы Ъ – от ***подвигнѫтисѧ*** «потрудиться совершить труд, подвиг», производного от ***двигнѫтисѧ*** См. *двинуть*.

Двинуть. Общеслав. Образовано от *двигати* спомощью суф. – нути (< nqti) с значением однократного действия. В *dvignqti сочетание *gn* упростилось в *n*. Глагол *двигати*, общеслав. по характеру, образован от несохранившегося *двигъ* – «развилка, разветвленная ветка», соответствующего нем. *Zweig* – «ветка». Первоначальное значение *двигать* – «поднимать» (ср. др. – русск. *подвигъ*, польск., полесск. *podwih* – «подпорка»).[2]

Словарь Д. Н. Ушакова приводит следующее толкование: **Подвиг.** а.м. Доблестный, героический поступок, важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях. *Героические подвиги красноармейцев в боях с японскими самураями. Военные подвиги. Гражданский п. П. ученого. // чего.*

Беззаветный, бескорыстный поступок, вызванный чем-н. (книжн.). П. любви.[3]

В словаре С. И. Ожегова читаем:

Подвиг – а. м. Героический, самоотверженный поступок. *Воинский п. Трудовой п. П. во славу Родины.*

Как видим, значения практически идентичны. В более современном словаре С. А. Кузнецова толкований существенно больше.

Подвиг – а. м. 1. Героический, самоотверженный поступок, совершенный в опасных условиях, связанный с риском. *Воинские подвиги. Патриотический п.* // чего или с опр. Самоотверженный, тяжелый труд; важное дело, начинание. *Исторический, литературный, научный п. П.труда. П. чести, славы. П. искусства.*

---

[1] Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Просвещение, 1975. – С. 346.

[2] Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : «Просвещение», 1975. – С. 120.

[3] Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова Том III П-ряшка. Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. – М., 1939. – С. 370.

|| *П. чего*. Самоотверженный поступок, поведение, вызванное каким-л. чувством. *П. любви. П. страсти. П. преданности, самопожертвования*. 2. мн.: подвиги, -ов. *Разг*. Ирон. о неблаговидных поступках, похождениях, проделках. *Подвиги на любовном поприще*.[1]

Бесспорно, **ядро** концепта «Подвиг» – героический самотверженный поступок, совершенный в трудных условиях.

Околоядерная часть – самоотверженный, тяжелый труд.

Периферия – неблаговидные поступки, похождения, проделки.

Ядерная и околоядерная части поля концепта «Подвиг» очевидно связаны с этимологическим толкованием и вытекают из него.

Думается, если бы мы привлекли к анализу большее количество словарей, поле получилось бы более разветвленным. Несомненно, в современных словарях появился бы религиозный подвиг. В данном случае наша задача – продемонстрировать методику анализа лингвокогнитивного концепта.

Определенный интерес представляет сопоставление полей даннного концепта в разных языках. По всей вероятности, ядерное значение будет неизменным, периферия может быть специфичной для каждой лингвокультуры.

Таким образом, на базе современных исследований мы продемонстрировали различные методики анализа очень популярной в наши дни категории – концепта, как лингвокультурологического, так и лингвокогнитивного.

Таким образом, мы рассмотрели наиболее распространенные методы исследования языка. Подчеркнем, что с развитием лингвистики возникают новые направления нашей науки, а они требуют своих методов и методик, и они будут описаны в будущем.

---

[1] Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – С. 861.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. – М., 2005.
2. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М., 1966.
3. Арапов М. В. Квантитативная лингвистика. – М., 1988.
4. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. – М., 1991.
5. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учебное пособие. – М., 2001.
6. Блумфилд Л. Язык. – М., 1968. Глава XIX.
7. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные работы по общему языкознанию. – М., 1963, т. I-II.
8. Бурлак С. А., Старостин С. А. Введение в лингвистическую компаративистику. – М., 2001.
9. Гадамер Х-Г. Истина и метод. – М., 1988.
10. Гамкрелидзе Т., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Кн. 1-2. – Тбилиси, 1984.
11. Гвишиани Н. Б., Герви О. Ю. Корпусная лигвистика и грамматика речи // Вестник МГУ. Серия 9. Филология, 2001. № 2. – С. 46-62.
12. Головин Б. Н. Язык и статистика. – М., 1970.
13. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
14. Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике // Хрестоматия по общему языкознанию / сост. Л. П. Иванова. – К., 2008. – С. 493-503.
15. Иванова Л. П. Общее языкознание. Курс лекций. Научное пособие. – К., 2010.
16. Иванова Л. П. Методология лингвистического исследования. – К., 2020.
17. Климов Г. А. Принципы контенсивной типологии. – М., 1983.
18. Кодухов В. И. Методы лингвистического анализа. – Л., 1963.
19. Кочерган М. П. Загальне мовознавство. – К., 1999.
20. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1990.
21. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. – М., 1954.

22. Методы сопоставительного изучения языков. – М., 1988.
23. Методи структурного дослідження мови. – К., 1968.
24. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 21. Новое в современной индоевропеистике. – М., 1988.
25. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 25. Контрастивная лингвистика. – М., 1989.
26. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. – М., 1973.
27. Основы лингвистической компаративистики. – М., 1990.
28. От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства. – М., 1994.
29. Принципы и методы социолингвистических исследований. – М., 1989.
30. Сартр Ж. П. Проблемы метода : пер. с франц. – М., 1993.
31. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: Напрями та проблеми : підручник. – Полтава, 2008.
32. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
33. Сепир Э. Язык. – М., 1993.
34. Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. – М., 1974.
35. Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления. – М., 2002.
36. Степанов Г. В. Соотношение общенаучных и частных лингвистических методов // Степанов Г. В. Язык. Литература. Поэтика. – М., 1998.
37. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. – М., 1998.
38. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.
39. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. – М., 2002.
40. Удовиченко Г. М. Загальне мовознавство. Проблеми. Методи. – К., 1994.
41. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение // Хрестоматия по общему языкознанию / сост. Л. П. Иванова. – К., 2008. – С. 217-257.
42. Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сборник обзоров / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. – М., 1997.

43. Хомский Н. Синтаксические структуры / Хрестоматия по общему языкознанию / сост. Л. П. Иванова. – К., 2008. – С. 573-580.

44. Хроленко А. Т. Теория языка : учеб. пособие / А. Т. Хроленко, В. Д. Бондалетов ; под ред. В. Д. Бондалетова. – 2-е изд., испр и доп. – М., 2006.

45. Хэррис З. С. Метод в структуральной лингвистике // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. Т. 2. – М., 1965.

46. Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

47. Ярцева В. Н. Теория и практика сопоставительного исследования языков // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45. – № 6.

Учебно-методическое издание

Л. П. Иванова

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Техническое редактирование – Т. М. Ветраченко

Верстка – Т. С. Меркулова

ВИДАВНИЦТВО
НАЦІОНАЛЬНОГО ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ М. П. ДРАГОМАНОВА

Підписано до друку 21 червня 2022 р. Формат 60х84/16
Папір офісний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. др. арк. 6,75. Об.-вид. арк. 4,8.
Зам № 030
Віддруковано з оригіналів

Видавництво Національного педагогічного університету
імені М. П. Драгоманова. 01601, м. Київ-30, вул. Пирогова, 9.
Свідоцтво про реєстрацію ДК № 1101 від 29.10.2002 (044) 234-75-87
Віддруковано в друкарні Національного педагогічного університету
імені М. П. Драгоманова (044) 239-30-26